

Осколки нашей истории

18+

ТАНЯ
СВОИ

Таня Свон
Осколки нашей истории
Серия «Их история», книга 2
Серия «Романтические
истории Тани Свон»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183840
Осколки нашей истории: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197735-1*

Аннотация

«Осколки нашей истории» – это книга о борьбе за свою мечту и о силе воли. Несмотря на все преграды, главная героиня отстаивает не только право на творчество и быть услышанной, но и право на любовь, пусть и опасную. «Осколки нашей истории» – это роман, вдохновляющий всегда выбирать себя.

Содержание

Плейлист	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	65
Глава 5	77
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Таня Свон

Осколки нашей истории

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Таня Свон, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Плейлист

Chandelier feat. Alex Pasibe – Designer Disguise

Hello – Fame on Fire

Stranger Times – Life On Venus

The Nutcracker, Op.71, ТН.14/Act 2 – No. 14a Pas de deux:

Intrada. Исполнители: Симфонический оркестр Мариинского театра, Валерий Гергиев. Композитор: Пётр Ильич Чайковский

My Heart Will Go On – Future Sunsets

Oxygen – Auger

Love Will Keep Us Alive – Scorpions

My Enemy – CHVRCHES, Matt Berninger

Mercy Mirror – Within Temptation

Русская тоска – Дарья Виардо

I Don't Mind If You Don't Mind – Ron Pope

One Year Of Love – Queen

Пролог

Сложно оставаться наивной и нежной писательницей, когда тебя ненавидит добрая половина книжного сообщества. Алекс Шторм отняла у меня шанс быть всего лишь автором-дебютантом. Ее ложь сделала из меня воина, который каждый день отстаивает право на собственный голос и творчество.

Может, я не борюсь открыто. Больше не пытаюсь достучаться до тех, кто слепо верит не человеку, а цифрам вокруг него. Не стараюсь доказать, что моей вины в пущенных сплетнях нет.

Но я сражаюсь каждый день: со страхом перед толпой безликих хейтеров, с желанием опустить руки и сдаться, с обидой, которая засела во мне слишком глубоко.

Алекс Шторм растоптала ту доверчивую и мягкую Ангелину, которой я была. Но в местах, где ломало сильнее всего, сердце обросло броней.

Глава 1

Ноябрь

– Девочки, а где все? – Голос нашей старосты, Вероники, дрожит, когда она печальным взглядом окидывает пустые кресла за нашими с Мари спинами.

Мы с Зябликовой одновременно пожимаем плечами. Мари при этом даже глаз от экрана телефона не поднимает. Переписка с ее парнем, Андреем, явно интересуется подругу куда больше, чем раздолбай-одногоруппники.

Я раздраженно смотрю на снующих туда-сюда незнакомых студентов. Зал едва не трещит по швам от того, сколько народу сюда натолкалось в преддверии выступления декана и лидеров вузовских кружков.

Такие мероприятия – магнит для активистов всех факультетов и курсов. И для массовки вроде меня... Ведь за присутствие пообещали закрыть от двух до пяти пропусков по любому предмету. Я как раз обзавелась парочкой в тот день, когда чертова Алекс Шторм перевернула мою жизнь.

– Может, еще едят в столовой? – Я устало касаюсь лба кончиками пальцев, что перепачканы синей пастой. Весь день сегодня только и делала, что писала конспекты да проверочные.

Голова гудит от усталости, но уходить пока рано. Пропус-

ки сами себя не закроют.

– Почему они до сих пор в столовой? – Вероника швыряет сумку на кресло рядом со мной и упирает освободившуюся руку в бок. Ее черные волосы, кажется, сейчас встанут дыбом от злости. – Поганцы. Скоро все начнется, а их нет!

– Да и пофиг, – бурчит Мари и смеется невпопад. Наверное, Андрей написал что-то милое.

– Как это пофиг?! – Вероника даже притопывает от возмущения. Перекидывает длинные темные волосы за спину и с видом разъяренной гарпии принимается что-то строчить в телефоне. – У нас же план! Минимум шесть человек от группы!

– Ой, да ладно тебе. – Мари даже не смотрит на взбешенную старосту. – Тут такая толпа, никто и не заметит, что кого-то не хватает.

– Нет, так дела не делаются, Марина.

– Я Мари, – рычит подруга, пока Вероника все бурчит:

– А если нашей группе дадут какие-то особые задания?

Вдруг кто-то из наших активистов занял где-то призовое место?

– Где? – выдыхаем в унисон с Мари. Обе прекрасно знаем, что за несколько месяцев учебы и мероприятий-то толком не было.

Но Вероника не слушает. Она едва сдерживает себя, чтобы не начать наворачивать круги вокруг пустых сидений, и цедит в телефон:

– Господа одногруппники! – пафосно начинает голосовое она. – Понятия не имею, где вы ошибаетесь, но собрание начнется с минуты на минуту!

На Веронику оборачивается несколько старшекурсников, но она и бровью не ведет. Продолжает отчитывать ребят в голосовом, которое они, уверена, благополучно даже не открывают.

– Ты куда? – Мари отрывает взгляд от телефона, когда я поднимаюсь с кресла.

– Не могу это слушать. Схожу в столовку, приведу ребят, пока Вероника окончательно не сошла с ума.

Через плечо киваю на старосту. Та кипит настолько, что вот-вот крышечка на черепе начнет подпрыгивать. Вероника даже не замечает, как я вместе с сумкой проскальзываю мимо и моментально теряюсь в толпе. К выходу приходится пробиваться локтями, но в награду получаю пустой коридор, полный свежего воздуха. Окно открыто настежь, а по широкому коридору гуляет уже по-зимнему колючий сквозняк. Не задерживаюсь здесь и направляюсь к лестнице.

По пути мне встречается несколько опаздывающих на собрание студентов. Они торопятся вверх, перескакивая через ступени. Это подгоняет и меня. К столовой подхожу почти бегом и, еще не переступив порог, слышу голоса одногруппников.

– Вилку, пожалуйста!

– Ваш столовый прибор, сэр!

– Что здесь происходит? – Я хмурой тучей захожу в столовую, где занят всего один стол.

Четыре моих одногруппника – неразлучная компашка – неторопливо трапезничают, пока телефон одного из них разрывается звонком. Причем вместо стандартного звука на вызов установлен венский вальс, из-за чего вся сцена выглядит еще более странной.

– О! Ангелина! – Женя чуть вилку не роняет, когда видит меня. – Тоже проголодалась?

Он тянется к стулу за соседним столом, чтобы придвинуть его для меня. Но его опережают друзья. Саша вскакивает с места, и белая салфетка, которую он подоткнул за воротник на манер слюнявчика, слетает на пол, но парень этого не замечает. Он галантно подает мне руку, поклонившись так, будто мы на балу во дворце, а не в столовке универа. Влад уже стоит за предназначенным мне стулом. Едва я сяду, он подвинет его к столу.

– Ребят, вы чего устроили тут? – отмахиваюсь от протянутой руки и задвигаю стул, на который не собираюсь садиться. – Там все начнется скоро, а вы едите? Вероника вас сама сожрет, если опоздаете!

Телефон все играет и играет. Чем дольше не принимают звонок, тем громче звучит вальс. Работницы столовой даже начинают хихикать, наблюдая за нами.

– Веронику предупреждали, что никто после коллоквиума не пойдет на собрание! – с набитым ртом жалуется Саша.

Остальные парни кивают, торопливо уплетая припозднившийся обед.

– Нам даже время на нормальный перекус не дали, – осушив стакан с компотом, соглашается Влад. – Подумаешь, чуть-чуть опоздаем!

– Ты это Веронике скажи, когда поднимемся, – не удосужившись прожевать котлету, влезает в спор Женя. – Если мы и правда опоздаем, она нас порвет...

Венский вальс затихает, но теперь вибрировать начинает уже мой телефон.

– И меня порвут вместе с вами, – выдыхаю я, уже готовясь увидеть имя старосты на экране, но...

«Ангелина, добрый день! Тираж „Магического дебюта“ отпечатан. Если хотите забрать ваши авторские экземпляры, можете прийти в издательство. Адрес указала ниже. Заодно обсудим стратегию продвижения в сложившейся ситуации. С уважением, Татьяна».

– Ну? Что там?

Парни, заметив, как переменилось мое лицо, мигом забывают о еде. Вскрикивают со стульев, хватают рюкзаки, но никуда не идут. Ждут моего ответа. Насколько разгневана староста?

– Идите наверх. Я приду позже, – говорю я и отхожу к окну, чтобы скрыть выражение лица. Губы дрожат от улыбки, а я – от волнения.

Тираж отпечатан, а это значит только одно – скоро «Магический дебют» разъедется по магазинам и читателям. Именно сейчас станет ясно, насколько отразится на мне выходка Алекс Шторм.

– Ангелина! Ты не опоздаешь?

– Опоздаю, – говорю, даже не обернувшись. – Передайте Веронике, ладно?

Они уходят. Голоса парней становятся все дальше и тише, но я все равно разбираю шутки про то, что даже девчонки не готовы голодными торчать на скучных собраниях. Они смеются, а я, несмотря на голод, думаю вовсе не о еде.

Делаю скрин экрана и отправляю его человеку, которому в последнее время доверяю гораздо большее, нежели секреты и переживания. Я доверяю ему целиком и полностью, без остатка.

И сейчас мне, как никогда, важна его поддержка.

Сообщение от Фила приходит спустя минуту. Гляжу в окошко нашего чата и чувствую, как все страхи тают.

Фил, 17:03

Если хочешь пойти, я буду с тобой

* * *

Изо рта вырываются клубки пара, пока бегу к остановке. Заглушая подскочивший до предела пульс и уведомления о

сообщениях от старосты, в наушниках играет музыка. Издалека вижу, что Фил уже ждет меня. Стоит под только-только вспыхнувшим фонарем и смотрит в мою сторону.

Мы останавливаемся по разные стороны дороги и машем друг другу, широко улыбаясь. Человечек на светофоре прямо горит красным, и я некстати думаю о том, что наверняка мое лицо сейчас такого же помидорного оттенка. Из-за бега, из-за мороза. Из-за Фила.

Он – моя радость. Благодаря ему в эти тяжелые месяцы я все еще нахожу силы сражаться.

Он – моя боль. Я обещала быть рядом и помогать, но пока способна лишь на первое.

Замечаю, как взгляд Фила отрывается от меня и скользит по сумке женщины, что остановилась у дороги перед ним. Тревога, которая с того сентябрьского семейного ужина стала моей верной спутницей, темным облаком накрывает прочие чувства.

Мне достаточно одного мрачного и сосредоточенного взгляда Фила, чтобы угадать его мысли.

Если бы я опоздала, если бы он был здесь один, то не стал бы сдерживаться. Фил бы украл то, что притянуло его внимание. Что там? Телефон? Какое-то украшение или кошелек? Щурюсь, но не могу разглядеть.

Светофор загорается зеленым, но навстречу своему парню шагаю уже не так резво. Как бы я ни обожала Фила, как бы ни билось мое сердце рядом с ним, мне все еще слож-

но принять – долгов у него больше, чем мы двое когда-либо сможем заработать.

Я понимаю Фила, но не могу смириться с собственной беспомощностью и его методами.

Хотелось бы взять его за руку и спокойно сказать: «Давай решим эту проблему вместе?» Но жизнь уже дала мне пощечину – я ничего не могу.

Крошечной стипендии хватает только на обеды между парами и проезд до учебы. Работать в кафе не успеваю из-за универа. Деньги с книг? Ха! Тираж нужно распродать, чтобы что-то получить, а чтобы распродать – нужно вложиться в рекламу. А воровать, как Фил... Не смогу, не стану. Да и он не позволит.

Замкнутый круг.

С каждым шагом, что делает меня ближе к Филу, я вновь проживаю знакомые чувства. Страх, тревога, отчаяние. Я просто оправдываю Фила и его воровство или у него действительно нет иного пути? Могу ли, глядя ему в глаза, говорить, как дорожу им, хотя на самом деле каждое утро просыпаюсь с надеждой – скоро этот кошмар кончится, и мы заживем спокойно. Как нормальные люди.

Заслуживаю ли быть рядом с ним, когда любви во мне столько же, сколько и страха?

Я каждый день твержу, что понимаю – иначе нельзя – и верю в лучшее. Но правда в том, что я боюсь. За Фила, потому что он рискует каждый день. За нас, потому что, если од-

нажды Фил оступится и его поймают, всему придет конец. И за себя, потому что знаю – эти отношения в конечном итоге меня уничтожат.

– Ангел, – меня обнимают его руки и запах кофе.

Едва прячу лицо на груди Фила, натянутая улыбка сползает с губ. Я бы хотела чувствовать рядом со своим парнем то, что испытывают в обычных, *нормальных* отношениях: спокойствие, умиротворение и уют. Но вместо этого меня душил постоянное напряжение, точно пытаюсь удержать в руках кусочек скользкого мыла.

Отношения с Филом, который в любой момент может исчезнуть из моей жизни, – как хождение по лезвию ножа. Сомнения – словно злой ветер, что хочет сбросить меня в неизвестность. Развилки нет, а обратный путь принесет столько же боли, сколько и прогулка до острия.

После того как я убедила Фила, что, несмотря ни на что, хочу быть с ним, мы ввели два важных правила.

Первое: Фил никогда не будет воровать, если я рядом. Это обезопасит меня и физически, и морально. Ведь что бы я ни говорила, мы оба прекрасно понимаем: для меня *все это* – слишком.

Фил был чертовски прав, когда дал мне время на раздумья о нас. Я была ужасно глупа, когда решила, что принять правду будет проще, чем это оказалось на самом деле.

Я не жалею о решении остаться с Филом, но теперь каждый день отвоевываю шанс на наше счастье у собственных

страхов и сомнений.

И второе, до скрежета зубов раздражающее правило: я ни при каких обстоятельствах не расспрашиваю Фила о его делах и прошлом. И что бы ни говорил Фил, я все же надеюсь, что однажды мы сотрем это условие, а все опасения обратятся в пыль.

«Ангелина, я не хочу говорить о прошлом. Это слишком больно», – я могу понять. Но *«Ангелина, я не могу рассказать о своем „бизнесе“, это слишком опасно»* – вызывает во мне лишь раздражение.

Когда мы только вводили эти правила, даже случилась небольшая ссора. Фил поставил меня перед выбором: я либо принимаю эти простые условия, либо нам лучше расстаться.

Мое «я хочу знать» проиграло его «я хочу тебя защитить», и я сдалась.

Мари и раньше не принимала моей симпатии к Филу, но теперь, если подруга узнает, что я встречаюсь с ним, находясь в сладком неведении ни о прошлом, ни о настоящем своего парня... Мне точно не жить.

– Ты уверена, что хочешь этого? – спрашивает Фил, и я резко отстраняюсь.

На миг в голове искрой пробегает мысль: «Он сумел почувствовать, о чем я думаю?» Но потом Фил показывает экран телефона, где открыт мой скрин переписки с редактором.

– Ты точно готова поехать в издательство?

– Хочу увидеть свои книги, – в груди шевелится теплое чувство. Предвкушение.

Я столько старалась, столько ждала, когда смогу на кончиках пальцев ощутить плоды своего труда! Ничто не сможет омрачить этот момент.

– Не боишься? – Фил кладет ладони на мои плечи и наклоняется, чтобы заглянуть в глаза. Его взгляд такой теплый, открытый и проникает в самое сердце.

Качаю головой, не испытывая ни толики страха. Небольшое волнение ускоряет пульс, но на этом все.

После того вечера, когда я нашла Фила избитым в подвале, мой страх изменился. Он превратился в огромного жуткого монстра, который, однако, умеет ждать. Чудище больше не показывается по пустякам. Оно знает, что настоящий ужас – редкая добыча.

Мы подходим к остановке, но не ныряем под козырек, где уже полно людей. Снег редкими хлопьями кружится в воздухе и оседает на волосах. На моих, светлых, снежинки почти не видны, но на шоколадных и волнистых локонах Фила они выделяются крошечными бусинками.

– Где твоя шапка, Фил? – Я привстаю на носочки и натягиваю ему на макушку капюшон темной куртки.

Фил тут же подхватывает меня за талию и прижимает к себе, отрывая от земли. Я звонко смеюсь и по-детски болтаю ногами.

– Эй! Это не ответ!

Меня подмывает куснуть его за шею, которая выглядывает из-под воротника. Моя голова как раз очень кстати лежит на плече Фила, но я сдерживаюсь. Вокруг полно людей! Да и как Фил отреагирует, если зайду так далеко? Мы встречаемся не слишком давно. Даже объятия вызывают во мне трепет, не говоря уже о поцелуях...

Смущение сжигает нервные окончания каждый раз, когда Фил говорит что-то ласковое или, как сейчас, открыто демонстрирует свои чувства. Я просто не смогу его укусить!

– И шарфа нет, – бурчу вместо этого я и хлопаю его по плечу, таким образом прося поставить меня на землю.

– Забыл в «Чао», – Фил поправляет капюшон и отворачивается. Делает вид, что высматривает трамвай, но я все равно успеваю заметить легкий румянец на скулах, который мой парень пытается скрыть. – Ты написала как раз, когда моя смена подошла к концу. Схватил рюкзак и куртку и пошел. Забыл, что выложил шапку...

– Фил?

Он смотрит на дорогу, а я – на него. Фил не поворачивается ко мне, потому что по голосу слышит – я спрошу что-то, что ему не слишком понравится.

– Тебе сейчас хватает денег?

Он кивает, но я вижу, как дергается его кадык.

– Фил... Я знаю, что помощница из меня так себе, но просто хочу напомнить...

– О! Наш трамвай!

Фил хватает меня за руку и тянет к приближающемуся трамваю. Поджимаю губы и следую за ним. Мы занимаем наши любимые места в конце салона. Повезло, в набитом транспорте они как раз пустовали. Вижу, как Фил вынимает телефон и наушники, но не позволяю ему сбежать, спрятавшись в музыке.

– Если что-то пойдет не так, мы всегда можем продать то платье, которое ты мне подарил, и приставку Паши.

– Это был подарок на его день рождения.

Я красноречиво выгибаю брови. Не хочу вслух напоминать о том, на какие деньги эти подарки были куплены.

– Я справляюсь. – Фил, будто забыв, что вокруг нас полно людей, касается моей щеки. Теперь она горит не только от холода, который царит за окном. – Но спасибо, Ангел. Я ценю твоё желание помочь мне.

«Спаси, – поправляю мысленно. – Помогать уже поздно».

Его пальцы поглаживают мое лицо, а в темных глазах загадки переплетаются с обещаниями. В них сквозит то самое вечное «но», которое мешает мне быть по-настоящему счастливой.

Фил замечательный. Он добрый, милый и отзывчивый. Но он вор.

Он сделает для меня все и даже больше. Но ни за что не расскажет о том, на кого на самом деле работает. Не поделится, чьи люди тогда избili его в подвале и навесили но-

вый долг.

«Грузчик». «Торговля». «Бизнес».

Ложь. Вранье!

В глубине души, наверное, я с самого начала знала, что кроется за этим безобидным прикрытием. Но боялась узнать наверняка и понять, что мои опасения подтвердились.

Быть с Филом – значит жить в иллюзии с осознанием, что та неизбежно растворится. И то, что я увижу под рассеявшимся мороком, разделит мою жизнь на «до» и «после».

Стоят ли мои чувства того?

Пальцы Фила соскальзывают с моей кожи, когда подаюсь вперед и кладу голову на его плечо. Фил трется щекой о мою макушку, даже не догадываясь, что творится в моих мыслях.

Стыдно...

Я так отчаянно кричала о чувствах, о том, что не отвернусь от Фила. Но теперь, кажется, не заслуживаю его тепла. Я слишком слаба. Мириться с совестью, бороться с тревогой, каждый день убеждать себя, что хороший конец возможен, – тяжело.

Но я благодарна Филу за то, что он не сажает меня на эмоциональные качели и не пытается жонглировать чувствами, намекая на расставание. Даже сейчас, когда меня плющит от противоречивых эмоций, я не хочу расставаться с ним. И я рада, что Фил уважает мой выбор и не подвергает решение быть с ним сомнениям.

«Не смей решать за меня, что будет лучше», – так я сказа-

ла в вечер нашего первого поцелуя. Так же я думаю и сейчас.

Быть с Филом тяжело. Но это мой выбор, и я готова нести за него ответственность.

Мы быстро доезжаем до центра и приходим к издательству, когда до закрытия остается меньше получаса. Я делаю фотографию стенда перед входом, где крупно написано «Издательство „ЗНАК“», и скрепя сердце выкладываю в свои соцсети с подписью: «Угадайте, где я и зачем?» В конце ставлю ухмыляющийся смайлик и публикую снимок. Просмотры появляются тут же и с каждой секундой только растут.

– Вот это да, – присвистывает Фил, на ходу заглядывая в мой телефон. – Уже и комменты есть?

– Внимательная, но не всегда лояльная аудитория шла в подарок вместе с подставой Алекс, – бесцветно отзываюсь я, когда мы проходим через раздвинувшиеся стеклянные двери.

У турникета нас тормозит охранник. Пропуска ни у меня, ни, тем более, у Фила нет, поэтому я отправляю Татьяне сообщение – мы на месте! Затем мы занимаем один из диванчиков в холле и ждем.

Не сказать, что я боюсь, но волнение перед первой встречей все равно есть. Я даже не замечаю, как нервно притопываю ногой, пока Фил не кладет одну руку мне на коленку, а второй не забирает мой телефон.

– Вообще-то я читала комменты, – пытаюсь, чтобы в голосе звучали хотя бы слабые нотки недовольства, но у меня

не выходит. Мягкая улыбка Фила – разрушительное оружие против моего плохого настроения и тревог.

– И что писали?

– Как всегда, что я дрянь и не заслуживаю быть изданной. Что они надеются, я пришла в издательство разорвать контракт.

Фил тяжело выдыхает и откидывается на спинку дивана. Капюшон сползает, открывая пребывающие в полном беспорядке кофейные волосы. Не слишком короткие, но и не такие длинные, чтобы спускаться хотя бы до середины шеи.

Заглядываюсь на него, а потом на мгновение перестаю дышать, когда Фил приоткрывает веки и ловит мой взор.

– Тебе стоит закрыть комментарии. Весь этот негатив...

– Не закрою. У меня есть подписчики, которые, несмотря на все случившееся, все равно верят мне, а не Алекс. Их не так много, но я ценю каждый их коммент.

– Боишься, что, перекрыв возможность писать тебе, лишишься ощущения поддержки?

В его голосе нет обиды, и я рада, что Филу не нужно пояснять, как важна обратная связь *твоей* аудитории. Я знаю, что он рядом, что поддержит на любом пути. Но это другое.

– Лина? Лина Ринг?

В холл выходит девушка с коротко стриженными светлыми волосами. Брюки клеш подчеркивают тонкие бедра и узкую талию. С ними контрастирует белая оверсайз-рубашка, заправленная за кожаный пояс. Со своими большими голу-

быми глазами и мелкими чертами лица Татьяна похожа на пикси. А когда она вдруг улыбается мне, сходство с феей только усиливается.

– Здравствуйте! – Я подскакиваю с дивана, точно школьница перед вошедшим учителем.

Не оборачиваясь, слышу, как за моей спиной встает и Фил. Подтверждение тому вижу по взгляду Татьяны, который на несколько секунд устремляется чуть выше моего плеча.

– Ангелина, рада, что ты пришла! – Татьяна жестом указывает на диван, с которого мы только-только встали, а сама опускается на соседнее кресло.

На журнальный столик, в который едва не упираются колени длинноногого Фила, редактор ставит пакет. Сквозь матовый пластик просматриваются очертания стопки книг. У меня руки чешутся заглянуть внутрь, но боюсь, что это будет невежливо. К тому же Татьяна продолжает говорить:

– Обычно мы приглашаем авторов подняться в отдел. Мы любим знакомиться с писателями, которых выпускаем, но...

Она заминается, а я понятиливо киваю и отвожу глаза:

– Знаю.

Краем глаза вижу, как на пару мгновений Татьяна замирает, а потом, спохватившись, подается вперед и участливо касается моей руки:

– Нет-нет! Дело не в тебе! Просто рабочий день вот-вот кончится, многие уже собираются домой.

– А. Да, разумеется.

Несмотря на улыбку Татьяны и ее мягкую интонацию, мне некомфортно. Все какое-то натянутое. Фразы Татьяны, ее поведение – просто вежливость, за которой прячется недосказанность.

Она ведь даже не предложила мне взглянуть на книги. Спрятала их в непрозрачный пакет как нечто постыдное и без слов поставила передо мной. А ведь это дебютная книга! Первый важный шаг в литературном мире. Неужели это недостойно хотя бы простого «поздравляю»?

– Татьяна, – глядя на пакет с книгами, говорю я, – скажите, что у «Дебюта» по предзаказам?

Редактор удобнее усаживается в кресле. Хотя, наверное, это способ выиграть побольше времени на раздумья.

– Лучше, чем мы ожидали в свете последних событий.

Расплывчатый ответ, однако рождает во мне слабую надежду. Лживые слухи не могут похоронить весь тираж! У меня еще есть шанс побороться за продажи!

– К слову, многие блогеры не отменили свою заявку на «Магический дебют». Они все еще хотят получить книгу на обзор, – чуть более живо делится редактор, и я даже в изумлении приоткрываю рот.

Вот это действительно неожиданный поворот!

– Но советую не расслабляться, Лина. Обзоры могут быть и негативными, – поджимает губы Татьяна, но я не успеваю подхватить ее тревожное настроение.

Фил оказывается куда менее терпеливым, нежели я. Устав молча следить за нашей беседой, он первый тянется к пакету и достает из него книгу.

Мою. Бумажную. Книгу.

– Вау, – только и выдыхает он, рассматривая яркий арт на обложке и блеск фольги на названии.

Без слов протягиваю руки, и Фил вкладывает пухлый томик в мои ладони, точно хрупкое новорожденное дитя. Чувствую на себе его взгляд и взгляд Татьяны. Фил смотрит с нежностью, а Татьяна с интересом, который бы смутил в другой ситуации. Но сейчас мне все равно.

– Не верится, что держу ее в руках...

Голос дрожит. Внутри все переворачивается от эмоций, которые похожи на цветы: яркие, красивые, но дикие и буйные. Их так много, что, заполняя собой грудную клетку, они мешают дышать.

– Ей бы понравилось.

Только на эти слова хватает воздуха. Потом я прикусываю дрожащую губу и концентрируюсь на сердцебиении, чтобы случайно не заплакать.

Держать в руках книгу, посвященную бабушке, – все равно что разом пережить всю радость и всю боль, что связаны с ней. Я будто снова смотрю на улыбку бабушки. Снова стою у ее надгробия.

Фил притягивает меня к себе за секунду до того, как слезы все-таки срываются с ресниц. Он прячет мое лицо на своей

груди, и я безумно благодарна ему за это.

Не хочу, чтобы Татьяна видела мои слезы. Она бы никогда не поняла их.

– Что ж, – судя по голосу, редактор явно смущена тем, что только что случилось. – Вы очень милые, ребята, – я буквально слышу ее смущенную улыбку. – Не думали использовать это в продвижении книги?

Фил отпускает меня, когда утираю слезы. Несколько влажных пятнышек остается на его футболке, но их он тут же прячет, запахнув куртку.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю собранно.

Горжусь собой. Голос уже совсем не дрожит, и в глазах – ни слезинки. Только пальцы до боли на подушечках сжимают книгу.

– Сейчас много каналов для продвижения. Видео – мощный инструмент. Тем более вы внешне очень похожи на героев «Дебюта». – Татьяна по очереди смотрит то на меня, то на Фила. – Можно снять эстетичные ролики по мотивам книги. Аудитории пойдет, учитывая очевидный всплеск внимания к тебе, Лина.

– Всплеск? – хмурюсь я.

Если она имеет в виду наплыв хейтеров, то это не то внимание, которому стоит радоваться. Любое мое действие непременно осуждают. Поэтому следовать совету редактора и выкладывать видео со мной и Филом не хочу. Я готова терпеть выпады в свой адрес, но, если засвечу Фила, он станет

отхватывать яда не меньше.

Даже если ему плевать и он согласен на такой шаг, то я – нет.

– Черный пиар – ненадежный помощник. Но все сложилось как сложилось, – пожимает плечами мой редактор. Затем она элегантно закидывает ногу на ногу и наклоняется ко мне. Понизив голос, Татьяна говорит: – Лина, за тобой следят многие.

Она замечает, как я морщусь, будто на свежую рану попал лимонный сок, и добавляет:

– Да, такое внимание тебе неприятно, но относись ко всему философски. Ненависть лучше равнодушия. У тебя есть шанс склонить хейтеров на свою сторону, сделать их своими читателями. Заинтересуй их. Покажи, что влезать в скандалы – не единственное твое умение.

– Я не...

«...влезаю в скандалы! Меня втянули!» – не успеваю договорить я. Фил сжимает мою руку, без слов намекая, что сейчас не время для споров.

Слушай и запоминай, Лина.

– Ссоры и громкие выпады всегда привлекают много внимания. За чужими проблемами наблюдать интересно и безопасно. Но помни, такие шаги дают мощный, но короткий выхлоп. Или, что еще хуже, вызывают привыкание аудитории, которой становится нужен только очередной инфоповод. Перестаешь влезать в разборки? О тебе мигом забыва-

ют.

– Это не мой путь.

– Надеюсь, что так, Лина. Но докажи это. Докажи не только мне и издательству, но и аудитории. Всем, кто следит сейчас за каждым твоим шагом.

– Они ждут, что я оступлюсь.

– Если сделаешь все правильно, хейтеры станут союзниками.

– Но как? Предлагаете помириться с блогерами? Снова скажете извиняться перед Алекс Шторм?

Татьяна медленно поднимается с кресла, глядит на меня сверху вниз и произносит:

– Не знаю. Но твоя ситуация хоть и трудная, но далеко не безвыходная. Судьба издания следующей рукописи зависит от тебя. Постарайся не рубить сплеча. Думай, и только потом делай ход.

Я встаю, желая продолжить волнуящую меня беседу, но разговор, как и рабочий день, окончен. Татьяна мягко улыбается и, прежде чем уйти, едва слышно хлопает в ладоши:

– Кстати, поздравляю с выходом книги, Лина! Это по-настоящему громкий дебют.

Глава 2

– Это нужно отметить. – Фил поднимает пакет с книгами и заговорщически подмигивает мне.

Не спешу улыбаться в ответ, как и не тороплюсь напоминать – он по уши в долгах. О посиделках в кафе лучше забыть. Торговых центров, чтобы прогуляться в тепле, поблизости в моем районе нет. А слоняться по улице в ноябрьский холод я не готова.

– Холодновато для прогулок, – с неподдельной досадой выдыхаю я.

– Мы не будем торчать на улице. – Фил обгоняет меня и начинает шагать передо мной спиной вперед. Глядя в глаза, просит: – Соглашайся, Ангел!

– На что? – не могу сдержать улыбку, но хочу сохранить серьезный тон. Отвожу взгляд вверх и, наблюдая за тем, как в свете фонаря танцуют редкие снежинки, напоминаю: – Ты даже не сказал, куда меня зовешь!

Фил останавливается, но я замечаю это слишком поздно. Врезаюсь в его грудь и оказываюсь заключена в крепкие объятия.

– Не отпущу, пока не согласишься.

Я слышу, что он шутит. Чувствую, как от щеки, которой Фил коснулся дыханием, мурашки бегут вниз к шее – искры Млечного Пути. Я так хочу побыть с ним наедине, но

боюсь принять приглашение. Одна только мысль о том, чтобы сдать, воскрешает в памяти ужасные картины: темный подвал, полуживой Фил и кровь на его смуглой коже.

– Не могу.

– Почему? Родители снова злятся, что ты встречаешься со мной?

– Они постоянно злятся. – Я выбираюсь из объятий Фила и хмуро отворачиваюсь к заснеженным клумбам у магазина садоводства. Летом здесь цвели пионы и кусты роз, теперь же об этом напоминают только голые ветви и камни, которыми огорожен небольшой сад. – Но я ясно дала родителям понять, что свое решение не изменю.

В горле пересыхает, едва вспоминаю, сколько ссор довелось пережить за последние пару месяцев. И тем больше осознавать – собственный выбор вселяет радости столько же, сколько и страха.

– Тогда в чем дело? У тебя много домашки? Ты расстроилась из-за встречи с редактором? Она что-то не то сказала? Или я...

– Фил.

Он умолкает, когда пронзаю его умоляющим взглядом.

«Не заставляй напоминать об этом вслух».

Мимо проходят люди, проносятся автобусы, забытые пассажирами. Густой вечер вытягивает из ноябрьского дня последнее солнце, но какой-то его осколок все еще живет в Филе.

В его глазах столько света! Я хочу поцеловать его прямо здесь, посреди многолюдной улицы. Но едва делаю шаг, Фил просит:

– Скажи мне.

Мягкий тон, проникающий в самые темные уголки души, рвет ее на клочки. Я знаю, что правда причинит ему боль, и потому молчу.

– Ангелина. Ты моя девушка, – выдыхает он вместе с облачком пара, а затем нежно берет меня за руку. Так осторожно, будто я хрупкая фарфоровая кукла. – Но как я могу услышать тебя и понять, если продолжишь молчать? Ты ведь этого хотела – решать все проблемы вместе. Так скажи мне, что тебя беспокоит? Мы разберемся. Вместе.

Вот почему я с ним.

Вот почему выбрала Фила, несмотря на его темное прошлое и пугающее настоящее.

Я могу сомневаться в себе, в своих поступках и решениях. Но в том, что Фил действительно дорожит мной, в его чувствах ко мне, я не усомнилась ни разу, ни на миг.

– Нам нужно экономить деньги, – выдаю, не глядя ему в глаза. Не хочу видеть, как солнце в кофейных озерах становится чуть тусклее. – Твои долги...

– Все под контролем. Я успеваю... заработать.

Поджимаю губы, но никак не комментирую последнее слово.

– А если они потребуют выплатить деньги раньше срока?

Или повысят ставки? Они играют по собственным правилам, не забывай.

«Они». Только так и могу называть тех, кто портит Филу жизнь, ведь ничего об этих людях не знаю. Спросить нельзя – нарушу наше правило и испорчу Филу настроение, а ответов все равно не добьюсь.

– Ты уже выплатил долг брата. Они потребовали еще. Где гарантия, что не появится новых ненормальных условий? Сжатые сроки, больший процент? Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за ерунды. Мне не нужны прогулки в кафе или кино. Быть уверенной, что ты в порядке и в безопасности, – вот что мне сейчас важно.

– Но ведь это не жизнь вовсе. Вечный страх и ограничения – не то, что я хочу тебе дать.

С ним бесполезно спорить. Человек, который ворует, чтобы закрыть долги, а потом, не расплатившись по счетам, дарит дорожные подарки, и не мог ответить иначе.

– Давай закроем эту тему, ладно? – Я легонько касаюсь его щеки и мягко поглаживаю. Прохожусь большим пальцем под выступающей скулой и веду линию вниз по краю четко очерченной челюсти.

Когда хочу отнять руку, Фил вдруг ловит ее и несильно, но настойчиво сжимает.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива со мной. Не отнимай у меня шанс радовать тебя.

Ох, Фил... По-настоящему счастлива я стану в тот день,

когда ты оставишь в прошлом все, что преследует тебя наяву, а меня – в кошмарах.

– Клянусь, что этим вечером мы не потратим ни копейки, но он пройдет шикарно. Никаких прогулок по холоду. Никаких скитаний по торговым центрам. Только ты, я и кофе.

– Пойдем в «Чао»?

– Да. Работникам полагается несколько бесплатных напитков в месяц. Я свой лимит еще не исчерпал, так что угощаю.

Не могу сдерживать нервный смех. Удрученно опускаю голову и прикусываю губу.

Я такая дурочка. Устроила разборки на пустом месте, испортила нам обоим настроение. Мне действительно стоит научиться расслабляться и плыть по течению.

– Ну так что? Ты не против?

– Нет, Фил. Конечно, нет.

* * *

Через несколько месяцев после моего увольнения в «Чао-какао» наконец-то обустроили нормальную комнату для сотрудников. Завал в тесной камерке разгребли, и теперь здесь поместились шкафчик для личных вещей и даже небольшой диван. На нем-то я и расположилась в ожидании Фила.

Его смена давно кончилась, за кассой сейчас работает другой парень. Однако Фил хочет сделать напитки для нас са-

мостоятельно. Он уходит в зал, а я остаюсь в комнате персонала. Снимаю теплую одежду, убираю в сторонку рюкзак и достаю из пакета «Магический дебют». Все еще не верится, что это реально...

Делаю быструю фотку книги и заливаю в свой профиль, заранее зная, как отреагирует аудитория. И действительно, уведомления в равной степени затапливают и позитивные и негативные реакции.

Губы искривляются в ухмылке. Как же предсказуемо... Все эти люди, которые пытаются испортить мне жизнь, – просто армия ведомых. Наверное, мне даже жаль Алекс, если ее аудитория действительно *такая*.

Экран перекрывает окошко – входящий вызов от Мари. С чего бы подруге мне звонить? Случилось что-то серьезное?

– Какого черта твои подписчики видят новорожденную книгу раньше, чем я?! – взвинченно тараторит Мари. – И вообще, это я тебя научила вести профиль, я помогла выбраться из интровертной тени! И вот чем ты мне за это платишь? Даже сообщения не читаешь!

Не видя ее лица, сложно понять, шутит Мари или действительно мой косяк настолько ее задел.

– Тебе нет оправданий. Ты в курсе?

– Да, конечно, – протягиваю с вялой улыбкой, потому что знаю – подруга права как никогда.

Еще полгода назад я бы, не раздумывая, написала первым делом ей. Хотя нет. Мне бы даже писать ей не пришлось, ведь

мы бы отправились в издательство вместе. Но теперь у меня есть Фил, а у Мари – неизменная неприязнь к моему парню.

– Ты ходила в издательство одна? – понижает голос Мари, и я понимаю – это главный вопрос. Вот ради чего она звонит.

Знаю, что правда ее расстроит, но соврать подруге не могу. И без того утаиваю от нее достаточно. Если это как-то всплывет, нашей дружбе придется несладко...

– С Филом. Он встретил меня после учебы.

– М-м, – с явным недовольством хмыкает подруга. – Ты хотела сказать, после собрания, с которого ты сбежала? Пропуски теперь на халяву тебе никто не закроет. Вероника, поди, отметила, что тебя не было.

– Ничего страшного. Я знала, что так будет.

– А сейчас ты где? Дома? Домашки на завтра целую гору задали. Давай сверим химию?

Дверь открывается, и в комнату заходит Фил. Он улыбается мне и протягивает стаканчик с горячим напитком.

Не хочу врать Мари... Но и слушать ее недовольства тоже не желаю.

– Давай поговорим позже? Я напишу, как освобожусь.

– Эй! Геля! Не смей класть труб...

Поздно. Я нажимаю на красную кнопку, и звонок обрывается.

Стискиваю телефон в руках так, что пластиковый чехол на нем едва слышно хрустит. Но когда Фил прижимается к моему виску лбом, все тревоги становятся нечетким мутным

пятном. Точно туча на далеком горизонте.

– Все в порядке?

– Теперь да.

Обеими руками держу стакан, но не подношу его к губам. Тесную комнату заполняет запах кофе и геля для душа Фила – грейпфрут и кардамон. Я поворачиваю голову, и кончики наших носов соприкасаются. Фил приглушенно смеется и, прикрыв веки, трется своим носом о мой.

– Что ты делаешь? – Я тоже начинаю смеяться, но отстраняться не спешу.

– Показываю свои чувства к тебе.

– Это очень странный способ.

– Только для тех, кто не смотрел «101 далматинца».

– Еще один мультфильм, который я не видела, но посмотрю благодаря тебе.

Глаза Фила изумленно распахиваются.

– Ты не смотрела его? Серьезно?!

– Ну прости, – дурашливо пожимаю плечами. – Надеюсь, ты не бросишь меня из-за такой мелочи?

Улыбка гаснет на его лице. Фил отстраняется и наклоняет голову, глядя на меня с тоской и... огорчением?

– Выкинь эту ерунду из головы. Я ни за что не брошу тебя, Ангел. И то, что ты чего-то не знаешь... Не страшно. Я покажу тебе то, чего ты раньше не видела. А новому будем учиться вместе.

От меня не укрывается, как внимательно он смотрит на

меня. Как тяжело сглатывает, прежде чем наклониться за поцелуем. Как нерешительно касается моей оголенной шеи, которую щекочут выбившиеся из хвоста светлые волоски.

– Новому? – шепчу ему в губы. – Чему ты хочешь меня научить, Фил?

Кончики пальцев проходятся от верхушки его уха к мочеке, а затем я запускаю их в шоколадные волосы. Фил закрывает глаза и льнет к моей руке.

– Всему, чему попросишь. Рисовать, варить кофе...

– Целоваться, – выпаливаю я, чувствуя, как щеки наливаются жаром. – Научи меня целоваться.

Фил отставляет свой кофе и забирает стаканчик из моих рук, чтобы поставить его на пол. Подальше от дивана, чтобы мы случайно не опрокинули напитки. Сидеть в комнате персонала Филу запретить не могут, но если будем плохими гостями, то меня-то сюда точно больше не пустят.

– Ты неплохо умеешь это делать и без моих уроков.

Но я уже вижу, какой огонь пылает в его глазах. Жаркий и неотвратимый, как солнце в безоблачный полдень. Жадный, но не испепеляющий дотла. Я позволяю себе прыгнуть в него с головой. Приоткрываю рот для губ Фила и забываюсь на некоторое время.

Мне нужна эта передышка от учебной круговерти, обид Мари, наставлений родителей и суеты книжного сообщества.

Мне нужен Фил.

Глава 3

Дома родители радуются выходу моей книги ровно до того момента, пока не узнают, что вечер я провела с Филом. После этого ощущение праздника гаснет, как свеча, оставленная у окна. Папа качает головой, а мама, поджав губы, уходит в другую комнату.

– Не надо, – ловит меня за руку отец, когда хочу броситься за мамой. – Ты и так разбиваешь ей сердце.

– Почему?

В коридор выбегает Паша, но папа одним строгим взглядом заставляет брата вернуться обратно в свою комнату. Точно таким же суровым взглядом он награждает меня.

– Не притворяйся, будто ничего не понимаешь. Мы обсуждали это не раз.

– А я не раз вам говорила, что Фил не такой, как его отец! Почему вы против наших отношений?

– Так вы уже встречаетесь? – темнеют глаза папы, и я жаляю, что не прикусила язык.

Лучше бы родители и дальше думали, что пока что мы с Филом просто друзья.

– Ангелина? – произносит папа так, как умеет только он один. По коже мурашки бегут от внезапной перемены в его настроении.

Еще пару минут назад мы смеялись и делали общие фото-

графии, а теперь веселье рассыпалось в труху. И из-за чего? Из-за глупости!

«Это не глупость, – ворчит внутренний голос. Не хочу его слушать. Он будто не часть меня, а прокравшаяся в рассудок надсмотрщица. – Ты знаешь, что родители правы. Ты знаешь о Филе больше, чем кто-либо, и почему-то не бежишь. Дурочка».

– Мы встречаемся, – скидываю подбородок и смотрю отцу в глаза со всей уверенностью, которую нахожу в дрожащем теле. – И я не собираюсь это менять.

Папа расправляет плечи, становясь будто бы еще выше и шире. Но я знаю, что он просто пытается напомнить, кто здесь глава семьи и чей авторитет весит больше.

Но ничто не весит больше моих чувств к Филу.

– Ты не можешь запретить мне, – напоминаю, когда молчание слишком затягивается. – Мне восемнадцать, и я...

– Следи за словами, Гея. Ты хоть и совершеннолетняя, но все еще живешь в родительском доме.

– Это не значит, что я позволю вам рушить мое счастье.

– Счастье? – Мама, похоже, подслушивала весь разговор, стоя у двери в зал. Сейчас она выходит в коридор, скрещивает руки на тяжело вздымающейся груди и приваливается одним плечом к стене. – Ангелина, я уже говорила тебе, что парень из плохой семьи не принесет тебе ничего, кроме проблем!

– Неправда!

«Правда».

– Я запрещаю тебе видеться с ним. Тем более вечерами, когда на улице темно и холодно!

– Глупость, – рычу я. – Что он мне сделает? И что интереснее, что мне сделаете вы, если послушаюсь? – Не дожидаясь очевидного ответа, на выдохе произношу: – Ничего. Я взрослая и могу сама выбирать, кого любить.

– Любить! – всплескивает руками мама и раздражается нервным смехом.

У меня больше не остается сил участвовать в этой ссоре, которая повторяет десятки тех, что были до нее, почти в точности. Устала. Надоело. И с каждым днем все труднее дышать, все горче возвращаться домой, где меня не хотят слышать.

«Мы тебя любим. Мы хотим лучшего для тебя. Прислушайся к нашему опыту. Отпусти, пока не поздно».

Не хочу! Не стану!

С грохотом захлопываю дверь и, прижимаясь к ней спиной, сажусь на пороге своей комнаты. Стараюсь сдерживать ком, растущий в горле, но он все плотнее и давит, давит на стенки.

Еще никогда я так сильно не ссорилась с родителями. Никогда у нас не было недомолвок, что длились бы дольше, чем пару дней. Нынешнее непонимание же черной нитью вплелось в наши отношения и тянется с сентября по сей день.

Какая-то часть меня хочет уладить отношения с родными,

тем более я в чем-то с ними согласна. Фил – опасная пара. Он по уши в долгах и проблемах, а даже если однажды он сумеет избавиться от этой темной части своей жизни, то вряд ли так же легко забудет, как просто зарабатываются нечестные деньги.

«Это не кончится никогда», – ворчит бдительная часть меня.

Но я бы не стала писательницей, если бы не умела искренне мечтать.

Я верю, что вместе мы победим. Верю, что Фил может исправиться.

* * *

Когда я вхожу в аудиторию, Мари даже не поднимает зеленых глаз от телефона. Поза закрытая: одна рука согнута в локте и лежит перед Мари на столешнице, а второй она подпирает щеку. Даже темные волосы она использует против меня! Они распущены и закрывают большую часть лица.

А ведь у нас сейчас анатомия, где преподает Сатана. Так мы всей группой нежно прозвали нашу преподшу, которую нам послали за грехи в прошлых жизнях, никак иначе. Сатана не любит, когда мы приходим на пары без сменки и шапочек, в мятых или расстегнутых халатах. Она ненавидит, когда кто-то на занятии хотя бы смотрит в сторону телефона, требует, чтобы мы даже к одноклассникам обращались

по имени и отчеству, и считает, что учебники нужно знать наизусть. И, разумеется, Сатана терпеть не может, когда кто-то осмеливается распускать волосы в поле ее зрения.

Если Мари осмелилась на такой шаг, значит, все плохо. Но раз она не отсела от меня за другой стол – еще не все потеряно.

Пора реанимировать нашу дружбу.

– Прости меня, – говорю так тихо, чтобы меня услышала только подруга. Остальным одноклассникам не нужно знать о нашем разладе.

Однако, осмотревшись, я понимаю, что им на этот разлад в общем-то плевать. Те, кто уже пришел, на нас не обращают никакого внимания. Кто-то повторяет домашку, кто-то досыпает отнятое первой парой время – прямо лицом на парте. Но большая часть ребят кучкуется в конце кабинета у стеклянных шкафчиков, где выставлены банки с препаратами. В формалине плавают органы людей, которые когда-то верили свое тело медицине. Буквально – завещали себя после смерти нашему университету. Сердце, легкие, почки, правая доля печени, наверное, потому что целиком она в сосуд не влезла... Но никто из ребят на уже успевшие опостылеть банки не смотрит.

– Не представляю, как мы будем сдавать экзамен по анатомии, – причитает Влад, худыми бедрами привалившись к парте позади себя.

– Сказал человек, который сдал коллоквиум по костям на

«отлично», – закатывает глаза Женя, и ребята поддерживают его бодрыми кивками и завистливыми взглядами, направленными на Влада.

– Эта пятерка далась мне не просто так! Мне кости ночами снились! До сих закрываю глаза и вижу височную кость...

– Бр-р-р, ну ты и извращенец! – смеются парни. – Нет, чтобы о девушках ночами мечтать!

И почему-то именно в этот момент я замечаю, как Влад оборачивается. Показалось, или его взгляд действительно скользнул по мне?

– Катитесь за горизонт, парни! Я столько учил, что было бы странно, приснишь мне что-то иное!

– А мог бы просто, как Алан, прийти на коллок с наушником, – кто-то из ребят дружески пихает того самого Алана в плечо. – Слышал, он даже камеру прикупить собирается!

– На фиг-а, Алан?

– Это чтобы те, кто диктует, сразу билет видели? Чтобы шептать в спрятанный микрофон не пришлось?

– Слушайте, а разве камера – это законно?

Алан мнется и даже слова вставить не может. Значит, парни не сочиняют.

– Полудурки, – скрипит Мари, не поднимая головы. Я резко поворачиваюсь к ней, не то от неожиданности, что подружка заговорила, не то от изумления. – Спалили по-братски. Один тупее другого.

Мари злобно смеется, наблюдая за компашкой. От ее ин-

тонации холодок по коже бежит. Я неуютно ерзаю на стуле и закатываю глаза, когда слышу, как Алан пытается оправдаться. «Да у меня наушник вообще отключен был, честно! Я учил! Ну хотя бы читал! Да это для подстраховки!»

– Жалкое зрелище, – заключает Мари, почему-то глядя на меня, а не на парней.

Неужели она это про меня? Даже сердце екает, когда про это думаю. Но потом вижу, как Мари мечет на гогочущих одноклассников гневный взгляд и убирает в кейс наушники, и мозаика складывается. Она не слышала моих извинений!

– Зяблик, – начинаю я и чуточку придвигаюсь к подруге. Так хочется обнять эту буку, но боюсь, что укусит. Может ведь! – Прости, что вчера положила трубку.

Она смотрит на часы над белой доской для маркеров, а потом достает из пенала резинку для волос. Кажется, что на меня подруга никак не реагирует, но она вдруг выдает:

– И?

Недоуменно хмурюсь и продолжаю это делать, когда Мари, все-таки собрав темные волосы в высокий хвост, поворачивается ко мне всем телом.

– И за что еще? – подсказывает она и устраивается поудобнее.

М-да. Видимо, список моих грехов гораздо длиннее, чем я сама думала.

– И за то, что сбежала с собрания.

– И?

– И за то, что пошла в издательство без тебя. И за то, что фотку скинула сначала на канал, а не тебе. И за то, что не предупредила, что буду на свидании с Филом.

– Свидание, – передразнивает она вполголоса, но я делаю вид, что не слышу.

Неприязнь Мари к Филу естественна, как комары летом. Неприятно, но никуда не деться. Можно только страдать, терпеть и ждать, когда это кончится.

– А еще прости за то, что не позвонила и не написала вчера вечером, хотя должна была... Просто...

– Ты опять поругалась с родителями, я знаю.

Серьезно? Вот так новость! Мои брови подлетают так высоко, что могли бы коснуться волос на макушке.

– Откуда?

– Моя мама вчера звонила твоей. У нас соседка по подъезду заболела. Нужно, чтобы кто-то приходил раз в пару дней и ставил ей капельницы. Вот мама и хотела твоей предложить. А дальше... Ну сама понимаешь.

Понимаю. Не способны две женщины вроде наших с Мари родительниц говорить только по делу. Телефонный звонок – это тебе не весточка в соцсети. Одна строчка – и дело в кармане. Нет. Звонок (тут нужно говорить очень высокопарно и одухотворенно) – это мост между душами, способ излить собеседнику все, что беспокоит.

Причем даже если с собеседником говоришь раз в полгода. Как наши с Мари родители.

– Ты поэтому на меня не злишься? Знаешь, что мне уже вчера влетело?

– Как это не злюсь? Посмотри в мои глаза, Геля, – она картинно оттягивает нижние веки, – видишь презрение, что плещется в них?

– Я вижу только недосып. Кто-то опять допоздна переписывался с Андреем?

– Ой-й. Стрелки-то не переводи! И вообще, не думай, что...

Мари явно недоговорила, но завершить тираду ей не дает Вероника. Едва староста появляется на пороге, ее взгляд устремляется на меня, а голос звенит так громко, будто Вероника говорит в микрофон:

– А вот и наша будущая «Мисс Белый халат»!

Одноручники оборачиваются на меня с тем же недоумением, что сейчас читается и на моем лице. Понимающе улыбаются только те, кто вчера был на собрании, с которого я сбежала.

– А вот если бы ты вчера поговорила со мной, сюрприза бы сейчас не было! – не то с укором, не то с обидой шепчет Мари.

Я же строю возмущенную гримасу и, глядя на сияющую старосту, вопрошаю:

– Чего?

Часть ребят опять смеются, а Вероника, проходя за свою парту, советует:

– Кольцова, расширай словарный запас! На конкурсе нужно блистать во всей красе! До конца декабря время еще есть, так что...

– Какого конкурса? – Я подрываюсь с места так резко, что парта вздрагивает. Ручка катится на пол. Я подлетаю к Веронике и упираюсь рукой в ее столешницу, не давая разложить вещи. – Скажи нормально, хватит загадками сыпать!

– Ого! Посмотрите, какой прогресс словесности! – шутит кто-то из парней, за что тут же расплачивается затрешиной от Влада.

Я благодарно киваю парню и возвращаю все внимание к Веронике.

– Никаких загадок, – пожимает плечами девушка и демонстративно поправляет белый колпак. – Только общедоступная информация, которую озвучили на вчерашнем собрании.

Клянусь, если мне еще раз напомнят про вчерашний прогул, я начну выдыхать пламя!

– Гришковец, кончай драму разводить! – вступает за меня Мари. – Скажи уже нормально. Пара через пять минут начнется!

Вероника заносчиво хмыкает и отбрасывает тугую черную косу за плечо – еще одна сцена, которую придется вытерпеть.

Так-то Вероника классная девчонка, но иногда мне кажется, что у нее в черепе вместо мозга – ворох проводов. Слу-

чайное короткое замыкание – и личность доброй Вероники стирается в пыль. На сцену выходит староста-душнила.

– Короче, говорю для прогульщиков, и только один раз...
Боже...

– Повторять не буду. В конце декабря университет устраивает предновогодний бал, где, помимо танцев, будет проходить конкурс «Мисс Белый халат». От каждого потока нужна претендентка или несколько. Так как добровольно из присутствующих активистов нашего потока почему-то никто не вызвался, тебя выбрали «по умолчанию».

– И как это случилось? – выгибаю бровь, пристально наблюдая за старостой. Не сомневаюсь, что стала претенденткой с ее подачи. Не могу сдержаться и саркастично добавляю: – Меня же не было на собрании.

– В списках присутствующих была, и ладно. И вообще радуйся! Пропуски я тебе в итоге все равно закрыла.

– Еще бы ты после такой подставы этого не сделала!

В аудиторию входит Сатана, и вся группа замирает. Сидящие выпрямляют спины и как первоклашки складывают руки перед собой на парты. Стоящие вытягиваются по струнке, как солдаты на плацу.

– Все собрались? – Даже простой вопрос Сатана задает рывканьем.

– Две девочки еще в гардеробе, – смело говорит Вероника.

Все ждут, что преподавательница скривится от негодования, начнет плевать ядом и проклинать опаздывающих. Но

она смотрит на часы и выходит из аудитории, перед этим сказав:

– Две минуты до начала занятия!

Воздух, который мы все разом облегченно выдыхаем, мог бы прокатиться по аудитории волной и захлопнуть распахнутую дверь. Скорое начало пары подстегивает повторяющих активнее листать страницы учебника, а болтающих – обсуждать все животрепещущие темы в ускоренном режиме.

– А что от меня требуется-то в итоге? Просто выйти в декабре на сцену? И все?

– Все? – Вероника смеется, и мне уже сейчас хочется выйти в окно. – Я перешлю тебе в личку инфу про первую репетицию. Еще там подробно все про условия участия и конкурсы, к которым нужно подготовиться...

– Какие еще конкурсы? – Настроение портится стремительно и бесповоротно.

Наактивничалась в школе. С меня хватит! Это всегда жрет столько сил и времени, что заново прыгать в болото бесконечных репетиций и подготовок совсем не хочется.

– Дефиле, конкурс талантов, будет блиц на эрудицию по учебным темам, – загибает пальцы староста. – Там вроде что-то еще было, но я уже не помню...

– Вот и я не помню, где просила меня вписывать в такое!

– А если я скажу, что победительница получит неплохой денежный приз, а за счет репетиций разрешают пропускать непрофильные предметы и лекции? – щурит серые глаза Ве-

роника, а потом щелкает пальцами, когда видит проблеск заинтересованности в моем лице. – Вот! То-то же! Никто не хочет сидеть на экономике и философии! И благодарить любимую старосту за официальное освобождение от нудятины тоже никто не хочет! Ну что за жизнь?

В аудиторию второпях входят одногруппницы, которые были на волосок от опоздания. Спустя полминуты в классной комнате появляется и преподавательница. К тому моменту мы все уже сидим за своими местами и дрожим, ожидая неминуемой расправы.

Преподаша по очереди поднимает каждого студента и заваливает вопросами по теме. Если не сказать, что топит... Но даже зная, что скоро такая порка ждет и меня, мыслями то и дело возвращаюсь к конкурсу и декабрьскому балу. Официальное разрешение на пропуска – это хорошо. А еще возможность получить денежный приз манит. Потратила бы на себя или, если Фил не откажется, помогла бы ему.

Но какова цена этого блага?

Все занятие сижу на иголках, а едва Сатана нас отпускает, чуть ли не ныряю в телефон с головой. Мари становится моим поводырем. Придерживая за локоть, подруга тащит меня на первый этаж в столовку. Перерыв небольшой. За это время нужно успеть и поесть, и к следующей паре подготовиться, и прочитать условия конкурса.

– Репетиции дважды в неделю, – возмущенно делюсь я, продолжая бегать глазами по тексту. – И костюмы нужно са-

мим готовить! И...

– Стой. Прибереги свой праведный гнев. – Мари тормозит у коридора, ведущего в библиотеку. – Я сейчас быстренько возьму учебник, и мы продолжим бомбить уже вместе. Окей?

Соединяю большой и указательный палец в колечко, пока остальные растопырываю веером. Подожду Мари здесь, заодно хотя бы дочитаю пересланное до конца. Краем глаза вижу, как развеивается белый халат Мари, и сажусь на новенькое кресло, которое студенты еще не успели затереть до дыр. В списке условий нахожу еще парочку, от которых кривлю нос. Например, у каждой претендентки на титул «Мисс» должен быть свой мистер.

Причем так и написано. Дословно.

И что это за бред вообще? Почему в конкурсе, посвященном девушкам, они не могут выступить без поддержки мужчин? Я вовсе не радикальная феминистка, но эта строчка выбешивает не на шутку.

И что мне делать? Могу ли я предложить на кандидатуру своего мистера – Филя? А согласится ли он выступать? Или моим спутником обязательно должен быть студент нашего университета? Если так, что дальше? Кого мне позвать? Да и как, если я не хочу, чтобы это был кто-то, кроме Филя?

Подготовка к конкурсу будет длиться чуть больше месяца. Парам придется часто видаться, а репетиции, я не сомневаюсь, в основном будут посвящены танцам.

Я не хочу, чтобы меня касался кто-то, кроме Фила.

Лицо почему-то вспыхивает. Сваливаю это на раздражение, потому что за последнее время, да даже за сегодня, на меня слишком много навалилось. Но от одного раздражителя в виде свода правил для конкурса меня отвлекает другой. Уведомление о новых комментариях.

Будь я умной девушкой, давно бы отключила уведомления. Или вовсе комменты, как советует Фил. Но нет. Я контролирую каждый плевок, что летит в мое лицо.

Чуда не случается. Это действительно новые гадости, а не редкие, но до дрожи желанные слова поддержки. Кто-то опять пережевывает сплетню про Дашу и Алекс Шторм. И, разумеется, я снова крайняя. Что стало толчком? Конечно же, мои посты с фотографиями отпечатанной книги.

Обида терновником оплетает сердце. Вчера я исполнила свою мечту – издала книгу. Но вместо радости испытываю только огорчение и боль. Вместо заслуженных поздравлений получаю нерешительные лайки и поток грубых слов.

И все вокруг – родители, Мари, Фил, некоторые подписчики – только и делают, что подсказывают: «Не влезай в споры. Будь выше этого. Не подливай масла в огонь, все равно ничего не добьешься».

Терпи. Терпи! Терпи!!!

Да какая, к черту, разница, терплю я или сыплю ругательствами в ответ? Моя репутация и без того на дне. Я на дне! Так что падать ниже уже некуда.

Эмоции не дают времени на раздумья. Захожу на свой канал и включаю прямую трансляцию. Перед этим даже не проверяю, как я выгляжу, в порядке ли макияж и как лежат волосы. На экране, как в зеркале, загорается мое отражение, и я сама поражаюсь тому, что вижу: голубые глаза кажутся на несколько тонов темнее обычного, и злость в них клубится шаровой молнией. Челюсть и губы напряжены, из-за чего черты лица кажутся острыми, как наточенный нож. Что ж, точно такими же будут и мои слова.

– Как приятно видеть ваш интерес, – с иронией приветствую первую сотню присоединившихся.

Если честно, не ожидала, что зрителей уже с первых секунд набегит так много, и совсем не думала, что цифры продолжат расти. Под видео уже появляются ядовитые комментарии и реакции с блевотными смайликами. Но если они думают, что так смогут сбить меня с толку, заставить ступаться, то, увы, вынуждена огорчить своих «фанатов».

– Не буду лукавить. Я вижу все комментарии, которые вы мне оставляете, – слова звучат механически. Я много произносила именно их в голове перед сном, представляя, как выступаю на каком-нибудь мероприятии или даю онлайн-интервью.

После такого вступления в своих фантазиях я говорила о том, что меня не сломить подобными глупостями, что я ценю немногочисленных, но действительно преданных читателей. Просила услышать меня, попытаться понять и отпустить

неприятную ситуацию с Алекс и Дашей. Дайте мне шанс!

Но я устала просить – смиренным молчанием или неизменно вежливыми постами.

– В задницу, – шепчу я, прикрыв глаза всего на миг, в который собираюсь с силами перед выпадом. – Не буду оправдываться, ясно? Не буду говорить, что вы несправедливо унижаете меня и хороните мое творчество. И без того повторяла это не единожды. Но вы не слышите меня. И знаете почему?

Мимо по коридору проходят несколько студентов в белых халатах. На меня они не обращают внимания, да и для меня они – как пылинки в воздухе, что проплыли перед глазами.

– Потому что вы стадо, – цежу с холодным презрением, неотрывно глядя в камеру.

Поверх телефона вижу, что студенты все-таки оборачиваются, но рядом не задерживаются. Исчезают за первым поворотом, о чем-то шепчась.

Мне не свойственна дерзкая ухмылка, но именно она возникает на лице, когда вижу резонанс, который рождают мои слова. Кто-то пишет «АХАХАХА», кто-то шлет смайлики с открытым ртом или какашками. Но вижу и другие реакции.

«Наконец-то она перестала быть терпилой», – проskalьзывает в чате, и вместе со следующим вдохом я будто делаю глоток эликсира смелости.

– Вам плевать на правду. Вы следуете за тем, за кем удобнее. Чей голос громче, а авторитет такой же раздутый, как и

это. Вас натравили на меня, как свору собак, а вы только и рады! Никто из вас, прежде чем прийти ко мне и поливать меня грязью, даже не задался вопросом – а как случилась утечка инфы про Дашу? Никто даже не наехал на Алекс за то, что это она, по сути, слила сплетню в сеть! Даже если бы мы обсуждали Дашу при личной встрече, это бы так и осталось между нами, если бы не Алекс. Знаю, вы будете доказывать мне обратное, говорить, что слух гулял где-то еще, а Алекс просто озвучила то, что многие слышали. Что ж. Дерзайте. Танцуйте и дальше на задних лапках перед своей хозяйкой. Можете и дальше писать мне гадости, за что я скажу только спасибо.

От долгой пламенной речи начинает кружиться голова. Эмоции или я порой забывала сделать вдох?

Шумно втягиваю носом воздух, а потом картинно изображаю поклон.

– Спасибо, – говорю со сладкой улыбкой на устах, – что поднимаете мне актив. Спасибо, что продолжаете говорить обо мне, заставляя мое имя звенеть почти в каждом уголке книжного сообщества. Не каждый новичок может быть удостоен такой чести.

Напоследок я широко улыбаюсь, прекрасно понимая, как жутко, почти безумно выгляжу на экране. Вкупе с убийственным взглядом эта улыбка такая же острая, как новенькое лезвие.

– Спасибо за рекламу, за которую не заплатила ни копей-

ки.

Стараюсь не смотреть на волну комментов и продолжающую расти цифру зрителей. Выключаю трансляцию и в тот же момент оседаю на спинку кресла, точно сдувающийся шар.

Как же легко себя чувствуешь, когда выпустишь пар! Тепло кажется непривычно расслабленным, будто не осталось в нем ни грамма темных чувств, что тяготили столь долго.

В каком-то смысле даже горжусь собой. Наконец-то я растоптала маску девочки, что смиренно терпит, боясь замараться. Поздно думать о том, как бы не испачкаться, когда по макушку стоишь в выгребной яме.

– Я оставила тебя на пять минут! – потрясая поднятым над головой телефоном, по коридору ко мне на всех парах мчит Мари. – Ангелина!

Встаю с кресла и строю невинную улыбку.

– Не понимаю, о чем ты, – говорю я, а сама чувствую, как полыхают щеки и колотится сердце.

Адреналин еще долго будет бурлить в крови. Этого разряда с лихвой хватит на весь день.

– Зачем ты начала эфир? Ты еще не готова к возвращению на публику. Публика не готова! – Мари равняется со мной, и теперь мы вместе шагаем в сторону столовой.

Время перерыва еще не истекло. Успеем и перекусить, и обсудить мой поступок.

– Публика, – качаю головой и сдуваю светлую прядку, что

падает на глаза, – мы что, в театре?

– Для многих все, что происходит между тобой и Алекс, – просто сцена. Яркий эпизод, который разбавит череду однотипных анонсов и всколыхнет застоявшийся воздух. Большинство авторов не лезет в конфликты, потому что это дурной отпечаток на репутации. Даже если в споре ты прав, найдутся те, кто обвинит в несдержанности или еще в чем похуже...

Значит, мой эфир – долгожданный хлеб для изголодавшихся по новым подробностям ссоры. В конце концов, конфликт с Алекс Шторм – уже не новая тема. Все, кто хотел перемыть мне косточки, уже сделали это. Новых поводов не возникало, и верным последователям Алекс оставалось только копаться в старых деталях разборок. Они перерыли эту гору грязного белья вдоль и поперек, сами пропахли запахом несвежих сплетен, лишь бы найти новую зацепку для следующей волны травли.

– Я подкинула им повод писать мне негативные комменты с новым запалом, – говорю то, к чему Мари и вела.

Она первая входит в столовую, и я вижу, как подруга, не оборачиваясь, разводит руками.

– Ну а чего ты ждала? – вопрошает, сев за наш любимый столик в самом углу зала. – Что твоя тирада вдруг заставит их задуматься?

– Хоть кого-то заставит, – с непоколебимой верой киваю я. – Я уверена, что найдутся те, кто меня поддержит.

– Геля... Такие выпады могут сработать, только если у тебя большая лояльная аудитория, как у Алекс Штурм. Но даже так позволять себе подобные выходки – опрометчивый шаг. Перегнешь, и лояльность сломается, как сухая ветка.

Я остаюсь за столиком – сторожу наши места и сумки, а Мари уходит к раздаче за едой для нас обеих. Пока она стоит в очереди, делает заказ, а потом расплачивается, я все глубже погружаюсь в раздумья. Несколько раз прокручиваю в голове эфир и свои слова.

Я назвала их стадом...

Когда я была на эмоциях и меня подгоняла злость, мне казалось, что я говорю все верно. Дерзко и четко. Обидно, но правдиво. Теперь же боюсь включать записи экрана, что уже гуляют по чужим профилям.

Без звука смотрю, как яростно блестят мои глаза, как воинственно я держу голову чуть вскинутой. Между бровей – хмурая морщинка, которая только усиливает мою суровость.

Тянусь к экрану, чтобы включить звук, и дыхание становится тяжелее. Боюсь открыть видео и понять, что совершила нечто ужасное и уже непоправимое. Но тут появляется Мари. Она ставит поднос с двумя тарелками капустного салата и стаканами с компотом на стол и выхватывает у меня из рук телефон.

– Не стоит этого сейчас делать, только расстроишься еще больше. – Мари прячет мой телефон к себе в сумку и садится напротив.

Вроде злюсь, что она так распоряжается моей вещью, но понимаю, что так будет лучше.

– Жаль, ты не сделала так, когда уходила в библиотеку.

– Кто же знал, что тебя так неожиданно переключит?

Мари придвигает к себе свой обед, и я делаю то же самое.

Капуста не выглядит аппетитной, но это лучше, чем гороховая каша, которую Мари притащила позавчера. Ну ничего. Завтра моя очередь покупать нам обед, выберу что-то менее отвратительное.

– Кстати, почему это случилось? – съев половину порции, интересуется Мари. – Когда я уходила, ты была вполне... адекватной.

Я хмыкаю, позабавленная выбранным словом, но после пересказываю подруге самые раздражающие условия участия в зимнем конкурсе. Она внимательно слушает, не забывая при этом уплетать салат, а я вновь ощущаю, как внутри растет негодование.

– Вот откуда я возьму деньги на костюмы для выступлений?

– Тебе необязательно покупать новые наряды. Если хочешь, я тебе одолжу что-нибудь.

– И моему «мистеру», – выделяю это слово воображаемыми кавычками из пальцев, – ты тоже наряд одолжишь?

– Ну нет. Тут уже пусть мистер и решает.

Мы смеемся, но веселье длится недолго.

– Сомневаюсь, что у Фила есть подходящий костюм...

Специально отвожу взгляд, чтобы не видеть, как Мари закатывает глаза.

– Тебе стоит рассмотреть другой вариант, – бурчит подруга. Не дожидаясь моего «почему?», она поясняет: – Во-первых, Фил может отказать.

– Скорее уж организаторы откажут ему, – качаю головой я. – Он ведь не студент нашего университета.

– Если случится такое, то зови Влада. Он точно будет рад. Вспоминаю, как одноклассник сегодня смотрел на меня перед занятием. Становится как-то неловко, даже неуютно.

– А если можно звать ребят не из вуза, то Фил все еще в пролете. – Мари упирается локтями о стол, расставив руки по бокам от опустевшей тарелки. Она соединяет подушечки пальцев обеих ладоней и миг становится похожа на коварного злодея. – Ты должна позвать Богдана.

Несколько секунд, в которые пытаюсь не уронить нижнюю челюсть в свой салат, не могу выдать ни слова, потому что в голове – звенящая пустота. Речь Мари – будто удар гигантского колокола. Бо-ом!

– Богдана? А он-то тут при чем?

Пока подруга хихикает над выражением моего лица, я напоминаю:

– Он единственный из всей компашки блогеров кинул меня в блок. Богдан ясно дал понять, что не хочет со мной связываться. И это взаимно!

Мари все молчит. Смотрит злодейским взглядом и ковар-

но ухмыляется.

– Не ты ли говорила, что Богдан – отвратительный друг? Зачем нам с ним связываться? Снова! Напомнить, чем кончился твой прошлый план с подброшенной флешкой?

– В конечном итоге мой план сработал как надо! – Мари поднимает стакан с компотом, будто только что произнесла хороший тост. – Ты втерлась в правильную компанию, тебя поддерживали, и все было круто, пока...

– Давай не будем говорить ее имя, – я морщусь, потому что Алекс Шторм слишком глубоко въелась в мою жизнь. Слышу ее имя чаще, чем свое собственное. Причем обычно оно звенит не вслух, а только в моей голове. Но и этого хватает!

– Ладно. Все было круто, пока не случилось кое-что очень несправедливое, – пустой стакан опускается на стол, как молоток судьбы. – Но подумай. Все началось с Богдана. Неплохой вариант попробовать достучаться до его компании именно через него.

Мы собираем пустую посуду на поднос, относим его к окошку мойщицы, а затем выходим из столовой. Пора двигаться к кабинету, где пройдет последняя пара. Экономика. Уже со следующей недели я до конца декабря на экономике буду появляться очень редко, потому что нужно киснуть на репетициях... И если их придется проводить с Богданом, то я бы лучше посидела на занятиях!

– Мари, твой план заранее провальный. Когда все случи-

лось, даже Даша выслушала меня, а Богдан не стал. Вот и я не стану пытаться подлизаться к нему.

– Тогда ищи другой способ восстановить отношения с ребятами. Напиши еще раз Даше, пригласи поболтать где-нибудь в кафе.

– Она не согласится.

– Не попробуешь – не узнаешь.

Экономика у нас всегда проходит тухло, и в этот раз ничего не меняется. На каждую пару несколько ребят для галочки делают презентации на заданные темы и монотонно зачитывают их со слайдов. Не слушают не только студенты, но и препод. Кажется, все заняты своими делами: кто-то делает домашку по другим предметам, кто-то отсыпается или сидит в телефоне.

Скука давит на мозги, и я против воли задумываюсь над советами Мари.

Звать Богдана не стану, хоть убей. Жизнь дала мне достаточно знаков, чтобы я поняла – Богдан не мой человек. Дружба у нас крепкой была только в раннем детстве, а потом развалилась, как плохо склеенная аппликация. Глупая влюбленность обернулась предательством, разбитым сердцем и долгим игнором. Вот и сейчас с этим конфликтом все как-то по-идиотски вышло.

Я не должна делать первый шаг к примирению и звать Богдана на бал. Это он меня не выслушал, он поверил Алекс.

«Но и ты была хороша», – скрипит что-то внутри, напо-

миная о том, как обманывала Богдана и его друзей ради Фила и как кривила нос при первой встрече.

«Я просто интроверт», – утешаю себя, но выходит слабо. Понимаю, что сама далеко не ангел, которым Фил так любит меня называть.

Мыслями тянусь к нему, и на душе становится и светло, и тоскливо. Будто слепой дождик пошел. Понимаю, что своим выбором в очередной раз разочарую Мари и подорву ее планы, но ничего не могу поделать. К тому же наладить отношения с ребятами можно и другим, более коротким и честным способом.

Стараясь не заходить в общую ленту, чтобы не читать записи обо мне и недавнем эфире, сразу переключаюсь в диалоги. Скоро нахожу чат с Дашей со страниц и, глубоко вдохнув, печатаю сообщение:

Лина Ринг, 15:46

Привет. Давай встретимся на неделе? Нужно поговорить

Отправляю, едва закончив, чтобы не успеть передумать, и переворачиваю телефон экраном вниз. Заранее догадываюсь, какой получу ответ. Нам ведь не о чем говорить. Все, что я могла сказать, уже написала Даше, едва все закрутилось. Все оправдания исчерпаны, новых слов я не нашла.

Да и захочет ли Даша видеться с той, кто, по ее мнению, мог пустить грязный слух?

Даже не знаю, что на ее месте сделала бы я. Наверное, от-

казалась бы.

Но Даша оказывается куда смелее меня, потому что к концу дня мне приходит ответ:

Даша со страниц, 20:38

Смогу только на следующей неделе. Норм?

Глава 4

Следующие дни проходят в суматохе: одна проверочная идет за другой, я то и дело бегаю на почту, чтобы отправить авторские экземпляры «Магического дебюта» немногочисленным блогерам, которые не стали отменять наше сотрудничество.

Мари говорит, что десяти человек (а именно столько ребят согласились сделать обзор на мою книгу) вполне достаточно, если у них вовлеченная аудитория. Я настолько устала от всей этой суеты, что даже не уточняю, что по меркам Мари «вовлеченная» аудитория. Какие цифры в блоге должны сулить мне успех? Не знаю. И знать уже, если честно, не хочу.

Наверное, стоит отдать должное Веронике, которая вписала меня в «Мисс Белый халат». Конкурс отнимает немало времени и занимает добрую часть моих мыслей. А ведь пока что у нас прошло всего одно собрание, где впервые встретились все участницы и организаторы. Там мы более подробно разобрали программу и задали свои вопросы.

Пока что меня больше всего волновало, могу ли я выступать с Филом, и ответ меня приятно удивил. Причем дважды, ведь Фил согласился быть моим «мистером».

Но теперь нарисовалась другая проблема – конкурс талантов. Все претендентки на зимнюю корону вписали свои но-

мера сразу же на собрании: песни, танцы, дефиле... Я же загадочно накорябала в колонке напротив своей фамилии «сюрприз» и до сих пор не знаю, что это значит.

Мари говорит, что университетский бал – отличный способ заявить о своей книге. Новая аудитория, свежая кровь и сокрушительный удар по соперницам.

– Танцевальных номеров будет несколько, вот увидишь, – любит повторять подруга, – но презентация изданной в крупном издательстве книги – это претензия если уж не на победу, то хотя бы на оригинальность.

– Никто не присудит мне победу в конкурсе красоты за слайд с фоткой книги. Судьи ведь не станут ее читать, чтобы реально оценить?

– Кольцова, тебе и не нужно побеждать. Прорекламирывать книгу – вот твоя цель!

Но я никак не могу заставить себя без страха представить, как перед сокурсниками и одноклассниками пытаюсь продать «Магический дебют». Это... странно. Неловко. Одно дело рекламировать себя в интернете, к этому я уже привыкла, хотя выходит с горем пополам. Но говорить о своем творчестве знакомым? Одна мысль вызывает отторжение. Хочется упереться пятками в землю, пока меня тащат на сцену, как ребенка в кабинет стоматолога, и бормотать: «Не хочу! Не стану!»

Причем мне непонятно, в чем причина этого волнения? Я не сомневаюсь в «Дебюте», я люблю эту историю. Может, бо-

уюсь увидеть осуждение в глазах знакомых? Боюсь показаться попрошайкой или выскочкой, между слов которой звучит: «Купите! Купите!»

К тому же, если зайти в интернет и начать искать, можно нарыть очень много неприятных вещей. Хейтеры, обрывки моего эфира и первые негативные отзывы. Одна только мысль о них заставляет нутро, точно мокрого котенка, сжаться в клубок. Когда я получила первый злой отзыв, полный яда и неконструктивной критики с переходом на мою личность, провела около часа в ванной. Просто стояла под горячим душем и убеждала себя, что подобные комментарии неизбежны.

Всем мил не будешь. На вкус и цвет все фломастеры разные. Что нравится одному, вызовет раздражение другого.

Книги – уголок уюта и спокойствия. Они такие же разные, как и все мы. Для каждого найдется свое литературное пристанище. Для кого-то и моя история однажды станет той самой, и только ради этого уже стоит писать.

Поэтому я повторяю себе: не обращай внимания на токсичные комментарии, на ядовитые отзывы, написанные так, будто их автор пытался самоутвердиться, принижая писателя. Не верь тому, что пишут под колами. Люби свое творчество. Безусловно. Всецело.

И не забывай, что ты никогда не сражаешься в одиночку. На каждый негативный отзыв Фил всегда волшебным образом находит несколько хороших. Он присылает мне скри-

ны и ссылки в течение дня, и это как таблетка от грусти. Смотрю на радостные посты, где читатели распаковывают «Дебют» или уже делятся впечатлениями, и не могу сдержать улыбку.

Подумать только... Прошло не так много времени с выхода книги, а уже есть прочитавшие! Есть те, кому она понравилась! И пусть я подозреваю, что эти отзывы пишут люди, далекие от книжного сообщества в сети, а часть из них, возможно, вообще написал сам Фил, это не умаляет моего восторга.

«Справедливость победит», – пишу я в свой блог и прикрепляю скрины нескольких восхищенных отзывов. В меня предсказуемо летят негативные реакции и комменты, но то ли удар кажется менее болезненным из-за незримой поддержки читателей, то ли хейтеров действительно поубавилось... А может, я стала меньше концентрироваться на негативе? Мысли поглощены грядущей встречей с Дашей, которая состоится уже завтра после первой репетиции для конкурса.

* * *

После пар мне приходится тащиться на другой конец города, где пройдет репетиция конкурсных выступлений. Потому что именно на окраинах, судя по всему, сдают в аренду самые дешевые тренировочные залы. Репетировать в уни-

вере не получится, ведь все подходящие помещения заняты студентами до самого вечера. Ну а после тяжелых пар настроение в дороге поднимает только музыка.

Электронная музыка уже настолько сильно ассоциируется у меня с Филом, что, если закрыть глаза, кажется, он здесь. Прижимаюсь лбом к окну автобуса, а сама представляю, что привалилась к Филу, сидящему рядом.

Я соскучилась.

В последние недели мы видимся реже обычного. У нас и раньше было полно своих забот, но сейчас Фил будто окончательно погряз в «делах». Он не особо посвящает меня в детали «второй работы», но я догадываюсь, что близится срок новой выплаты.

«Хватит ли ему денег?» – тревога пепельной вуалью окутывает сердце, но я развеиваю ее простым напоминанием. Сегодня Фил придет на репетицию. Он пообещал, что выступит со мной на конкурсе, а значит, все не так уж плохо. У него достаточно и времени, и средств. Иначе он бы предупредил меня.

Так ведь?

Мне требуется около десяти минут, чтобы по навигатору кое-как найти нужное здание, а потом чуть поменьше, чтобы отыскать зал. Это оказывается не слишком сложно. Достаточно попасть на нужный этаж, а дальше – двигаться на смех, в котором смешиваются знакомые и новые голоса.

Всех девчонок я уже видела на первом собрании, и сего-

дня каждая из нас пришла с парой. Зал с зеркальными стенами оказывается тесноват для нашей большой компании. Тренировка еще даже не началась, но внутри уже душно. А может, мне так кажется, потому что среди десятков лиц я не вижу самого важного?

– Всем привет! – громко произношу я, ступая на идеально ровный деревянный пол, и приветственно скидываю руку.

Мне вторит многослойное эхо. Девчонки улыбаются и подсказывают, как найти раздевалку. Уже через десять минут я возвращаюсь в зал в спортивной форме: короткий черный топ и мешковатые штаны с резинками на щиколотках неплохо на мне сидят. Мне даже нравится этот новый образ. Но посмотрим, захочется ли примерять его вновь после первой тренировки.

Тренером оказывается взрослая подтянутая женщина с короткой стрижкой. Она просит нас построиться, а затем затягивает длинную речь о том, как рада видеть новые сияющие счастьем лица. Не знаю, о чьих именно физиономиях идет речь, но явно не о моей.

Я ежеминутно поглядываю на часы над входом и нервно кусаю губы. Мы вот-вот начнем разминку, а его все нет! Может, что-то случилось?

Но когда тренер уже подводит свою речь к концу, Фил так появляется на пороге.

– Прошу прощения за опоздание!

Внутри меня все искрит, когда наши взгляды сталкиваются.

ся. Знаю, что на Фила сейчас смотрят абсолютно все, но как же приятно, что он продолжает глядеть лишь на меня одну.

Взъерошенный, как воробей, выпавший из гнезда. Дыхание частое, глубокое. А на смуглых щеках – едва уловимый румянец.

Фил виновато улыбается, но расслабляется, когда уголки моих губ тоже приподнимаются. Потом ему подсказывают, где раздевалка, а мы начинаем разминку. Неторопливо бегаем по кругу, разогреваясь. И в основном все движутся парами, которой пока что нет только у меня.

Фил занимает пустующее рядом со мной место, когда начинаем разминать плечевые суставы. Повторяем движения за тренером, которая попутно с этим поясняет: сегодня уделим внимание расстановке на сцене и отработаем красивый выход. Участницам придется часто то выходить вперед, то отступить, давая поблистать на сцене другим. И все должно быть красиво, гармонично и четко.

– Как фигурки в музыкальной шкатулке! Раз-два-три! Раз-два-три! – направляет нас тренер, сверяясь с программой конкурса.

Среди участниц достаточно много танцовщиц. Это видно по тому, как девушки держатся: ровная спина, сведенные к позвоночнику лопатки, низко опущенные плечи и высоко вскинутый подбородок. Эти участницы похожи на лебедей грациозностью и плавностью.

Мне до них далеко, но я стараюсь. Тяну носок, держу осан-

ку. Да и движения запоминаю достаточно быстро, хотя их немало. Приветственный выход действительно напоминает музыкальную шкатулку. Щелчок, и пары приходят в движение, в танцевальном повороте перемещаясь по кругу. Так мы по очереди будем оказываться у микрофона, чтобы представиться.

Помимо приветствия, будет еще достаточно этапов, но с расстановкой решаем на сегодня закончить. Последние сорок минут тренировки посвящаем самой важной детали, без которой невозможно представить ни один бал.

– Вальс танцевать очень просто, – заверяет тренер и подзывает к себе парня, что стоит к ней ближе остальных.

Его напарница смеется и достает телефон, чтобы запечатлеть происходящее на камеру.

– Смотри, – шепчет Фил, низко склонившись к моему уху. – Она совсем не верит в своего мистера.

Я боюсь пошевелиться. Не хочу, чтобы тепло, которым окутала внезапная близость, рассеивалось. Несмотря на то что мы с Филом были вынуждены всю тренировку держаться за руки, мне этого недостаточно.

– Раз-два-три! Раз-два-три!

Пока все смеются над тем, как тренер кружит неумелого бедолагу в центре зала, я через зеркало наблюдаю за парнем, что стоит за моей спиной. Одна рука Фила прячется в кармане черных джоггеров, а другая покоится на моем плече. Пробор раскидывает шоколадные локоны по обе стороны от

высокого лба, но те все равно выглядят нарочито неопрятно. Как и весь Фил.

Он замечает мой взгляд в зеркале и вдруг расплывается в открытой улыбке, демонстрируя ровный ряд белых зубов с чуть выступающими клыками. Через зеркало вижу, как Фил, не разрывая наших взглядов в отражении, вновь наклоняется к моему уху:

– Я тоже скучал. Прости, что опоздал.

Тренер хлопает в ладоши, возвращая к себе внимание, и просит нас встать по парам и приготовиться танцевать. Мы с Филом отходим из слишком тесного центра и поворачиваемся лицом друг к другу.

– Кажется, нужно сделать так, – он кладет одну руку мне на талию, а на другую, отведенную в сторону, я кладу свою ладонь. – А теперь положи мне руку на плечо. Да, вот так.

Где-то в противоположном конце зала тренер смеется над одной из пар:

– Чего так встали далеко друг от друга? Не бойтесь, ну! Между вами не должно быть таких ворот!

Остальные пары моментально следуют совету. Я тоже придвигаюсь к Филу на полшага ближе. Наши тела почти соприкасаются, но я боюсь уничтожить эту дистанцию. Это ведь слишком интимно... Да и нужно ли становиться настолько рядом?

Но Фил сам убивает пространство между нами и вжимает меня в свою грудь.

Теперь он наверняка чувствует удары моего сердца и слышит даже самый тихий вздох. Потому и шепот мой наверняка коснется его слуха.

– Фил...

Мне стоит только позвать, и он мгновенно склоняет голову. Его ухо оказывается у моих губ, а лоб почти касается плеча. Кошу глаза к зеркалу и жалею, что не взяла с собой телефон. Мы так мило смотримся! Такой кадр бы вышел!

– Я слушаю тебя.

Дыхание Фила щекочет оголенное плечо, а потом там же меня касаются его губы. Я испуганно озираюсь, но вроде никто не видел этот короткий поцелуй. Тренер по очереди подходит к каждой паре, чтобы проверить стойку, а мы стоим достаточно далеко от остальных.

– Скажи, почему ты опоздал? Что-то случилось?

– Я просто стоял в пробке, – говорит он чуть резче, чем я того ожидала, и поднимает голову.

Чувствую, как напрягаются его пальцы на моей талии. Вижу, что в обманчиво распахнутом взгляде танцуют тени.

– Ты врешь...

Склоняю голову набок и хочу чуть отступить, но Фил не дает. Он все еще на расстоянии выдоха и будто боится, что это может измениться.

– Я же вижу. Ты что-то утаиваешь, – нарочно позволяю голосу дрожать, ведь не хочу прятать истинные чувства.

Пусть Фил поймет, что его недомолвки не делают меня

счастливее.

– Ты обещала не лезть в *мои дела*.

– Значит, дело все-таки в них?

Фил тяжело вздыхает и оборачивается на тренера, которая уже скоро подойдет и к нам, чтобы поправить руки, осанку или положение ног.

– Нет. Не в них.

– И ты все равно не хочешь говорить?

– Ангел...

Снова пытаюсь отодвинуться, но Фил собственнически прижимает к себе. «Не пуцу!»

– Скажи, – прошу в последний раз перед тем, как сдать.

Голос дрожит, и обидно мне вовсе не из-за глупой тайны, а из-за ее возможных последствий. Да, мы договаривались, что не стану лезть в его темную половину жизни. Но сейчас ведь дело не в ней. Почему он не хочет говорить? Испытывает мое доверие?

– От брата почти нет новостей, – наконец выдыхает Фил. И я вижу, как вместе с правдой из него выходит жизнь. – Я пытался что-то узнать у тех, кто с ним раньше был связан, но...

Он заметно поникает. Опускает голову, будто не находит в себе сил держать ее прямо, и ошутимо упирается лбом о мой. Теперь действительно чувствую, что я – единственная его опора.

С губ слетает едва слышное «прости», а затем прямо возле

нас звучит задорный голос тренера:

– А вот мы и выяснили, кто здесь самая влюбленная пара!

Пока все пялятся на нас, тренер расставляет нас правильно, приговаривая:

– Вы слишком – слишком! – близко друг к другу. Ну-ка, отлепите немного. Вот! Другое дело! И руки, держите их выше, а то совсем как плакучие ивы!

Я коротко смеюсь над шуткой, но Фил даже не улыбается. Он механически повторяет все, что говорит тренер, но мыслями будто находится совсем не здесь. Мне больно смотреть на него. Но даже когда он словно приходит в себя, едва начинаем танцевать, я понимаю, что это маска.

Он улыбается ради меня, но в глазах леденеет отчаяние.

Глава 5

Ноябрь не терпит долгого дня. Когда мы с Филом, держась за руки, выходим на улицу, солнце уже спит за горизонтом. Из темного, низко нависшего неба, как пух из подушки, сыплются снежинки. Тонкий белый покров скрипит под подошвами, а Фил крепко придерживает меня за плечи, когда идем через небольшой парк по узкой скользкой тропинке.

– Пока, Ангелина! Увидимся на следующей тренировке! – машут мне девчонки, которые обгоняют нашу пару.

Мне бы тоже поторопиться, ведь день не окончен. Впереди еще встреча с Дашей. Но так хочется растянуть эту близость с Филом...

Я шагаю вперед и преграждаю Филу путь, встав перед ним. Вижу, что девочки впереди уже скрылись за елями, укрытыми снегом, как сахарной пудрой, а позади – никого. Воздух искрит от холода, мороз щиплет щеки, но внутри пылает жар. Я предвкушаю поцелуй, который согреет быстрее самого горячего кофе.

– Обиделась на меня?

– Что?

Едва поднявшись на цыпочки, я опускаюсь обратно и хмурюсь.

– Ты ведь об этом сейчас хотела поговорить?

Он прячет ладони в карманы куртки и опускает голову

так, что я больше не вижу его глаз. На красную шапку оседают снежинки, но так и хочется смахнуть их ладонью, а заодно встряхнуть Фи́ла.

– Я хотела тебя поцеловать.

И вот красивые карие глаза снова смотрят на меня. Теплые, как какао, таящие загадок больше, чем космос. От нежности щемит сердце, но что-то не дает мне расплыться в улыбке и беззаботно утонуть в объятиях любимого.

– Это мило, но грустно. Ведь я этот поцелуй не заслужил.

Где-то в парке лает собака, но этот звук тонет в смехе нескольких человек. Оглядываюсь, но никого не вижу. Пока что мы наедине.

– Ты глупости говоришь, – качаю головой и делаю шаг навстречу Филу. Уже не так резво и смело. Теперь это похоже на прогулку по льду. Треснет или нет под моим напором?

– Не делай вид, что ничего не случилось. – Фил набирает полные легкие холодного воздуха и тяжело выдыхает. Руками шарит по карманам куртки, но не находит то, что ищет.

Сигареты.

Значит, интуиция не подвела. Все гораздо хуже, чем Фил мне говорит.

– Я недоговариваю. Вру. Подвергаю тебя опасности одним присутствием в твоей жизни!

Снова лай. И смех похож на взрывы. Вовсе не звонкий и радостный, а пугающий, как грохот надвигающейся беды.

– Я выбрала тебя.

– И этот выбор делает тебя несчастной. Думаешь, я не вижу?

Горло сдавливает незримая рука. Не могу дышать, глаза щиплет.

– Мне тяжело не знать, что с тобой происходит на самом деле, и я волнуюсь... Это нормально.

– Знаю, – понизив тон, виновато произносит Фил. Он обнимает меня за плечи и прямо над ухом выдыхает: – И потому мне еще тяжелее. Ведь ты заслуживаешь большего.

Еще ни разу наши разговоры не заходили в такое русло, и теперь я не знаю, что делать. Как реагировать? Хочется плакать, но разве этим решу проблему? Нет, только добавлю новых.

– Прекрати, – слово режет горло. Только его и могу выдать, не сорвавшись на плач.

– Ангел, нам обоим тяжело. Ты переживаешь из-за меня, потому что я уже не могу изменить свою жизнь. Я же волнуюсь за тебя, ведь твоя жизнь – в самом разгаре. Перед тобой открыты все двери. Почему стучишься в мою?

Он не говорит вслух, но между строк слышу просьбу уйти. Отпустить и не причинять боль нам обоим. Филу не выбраться, и я не могу этого изменить. Только смириться.

– Я не хочу смотреть, как ты сгораешь вместе со мной.

Несильно ударяю его в грудь и сжимаю ладони в кулаки.

– Ты все это говоришь из-за того разговора во время вальса? Из-за того, что я спросила, хотя обещала этого не делать?

Наказываешь меня за нарушенное правило?

– Что? Нет!

– Тогда зачем ты это делаешь? Все было хорошо...

«Не было».

– Потому что хочу сказать, что это только начало. Дальше будет так же, а может, и хуже. Я не хочу, чтобы ты надеялась, будто...

Я вздрагиваю от хлопка, будто неподалеку взорвалась петарда. Смех и голоса движутся в нашу сторону, как и лай. Собака скулит, а кто-то кричит:

– Лови! Держи ее! Держи!

Мы одновременно поворачиваем головы на звук, но фонарей там нет. Свет касается только тропинки, что тянет к выходу из парка. В темноте движутся фигуры, у кого-то мелькает искра фонарика на телефоне. Потом другой огонек пролетает над землей и взрывается, едва ее коснувшись.

Собака жалобно скулит, но этот звук тонет в ужасном и мерзком хохоте.

– Стой тут.

Фил моментально срывается с места, и я впервые вижу, как быстро он может двигаться. Несмотря на указание, срываюсь с места, но не могу бежать и вполосину так же скоро. Подошва скользит, в темноте двигаться сложно, но Фил этих преград будто не замечает.

– Что вы творите?! – орет Фил, пока я пытаюсь не задохнуться от бега. – Вам руки поотрывать, ублоудки мелкие?

– Свали отсюда, – тонкий мальчишеский голос. – Это моя собака. Делаю с ней что хочу.

Издалека вижу, как Фил включает фонарик на телефоне и присаживается на корточки перед крошечным холмиком на снегу. Ноги отказываются нести меня дальше, когда понимаю – это не горка из земли или снега. Это тело животного, что дрожит и едва дышит. Белая шерсть и снег вокруг окроплены красными брызгами, такими же яркими, как пятна, что начинают тошнотворно плясать перед глазами.

Кровь. Это кровь...

Я отшатываюсь, хватаюсь за ствол тонкого дерева, но все равно оседаю на землю. Слезы беззвучно катятся по щекам, пока Фил осматривает несчастное измученное животное.

– Твоя говоришь? А ошейника ведь нет.

Уже слышу, что в голосе его гремит угроза. Густая, как дым, и такая же горькая.

– Снял, – врет мальчишка, и его дружки мерзко ржут. – Эта сука себя плохо вела. Надо было ее наказать.

– Правда? – холодно интересуется Фил и встает. – Тогда, по вашей логике, мне стоит наказать вас.

В свете чужого фонарика что-то коротко блестит, и меня будто током прошивает.

– У него нож, пацаны! Валим!

Садистов точно ветром сдувает. Небольшой группой они подлетают к забору и легко перемахивают его, даже не оборачиваясь. Тем временем Фил падает на колени и что-то то-

ропливо режет на теле собаки.

Веревки.

Еще ни разу я не слышала, чтобы Фил ругался матом. Но сейчас ни капли не удивляюсь, когда слышу, каким потоком он бормочет ругательства себе под нос.

Он слышит скрип снега под моими подошвами, но не оборачивается и даже головы не поднимает. С остервенением режет веревки, которые оплетают и лапы, и шею дворняги.

– Я ведь просил подождать, – на изломе отчаяния выдавливает Фил. – Ты не должна этого видеть.

Хочу что-то сказать, но губы, мокрые от слез, шевелятся без звука. Тогда я опускаюсь рядом с Филом, утираю влажные щеки красной от холода рукой и хватаюсь за веревки. Ножа у меня нет, но я справлюсь. Порву, развяжу... Я смогу... Я...

– Не получается.

– Не надо, Ангел. Голыми руками тут не справишься. погоди, я сам. Ангел?

Фил заглядывает мне в лицо, и я вижу, что он тоже едва сдерживает боль. Он тянется к моему лицу, но в последний момент опускает руки, что уже испачканы в крови умирающего животного.

– Обними меня. Вот так, иди сюда. – Он притягивает меня к себе так, чтобы была рядом, но не мешалась под рукой. Наверняка намеренно Фил поворачивает меня так, чтобы не могла видеть собаку. – Все будет хорошо, слышишь? Я сде-

лаю, что смогу.

Киваю, как китайский болванчик. Шкафчики моей памяти распахиваются, и в одном из них я вижу старое воспоминание – рассказ Фила о его учебе, которую пришлось оставить за год до выпуска.

Он мог бы быть ветеринаром.

Прижимаясь к Филу, я скоро ощущаю, как слабеют его руки, точно надежда покидает тело. Да и скулить собака перестает...

– Нужно вызвать полицию, – слышу голос Фила, доносящийся точно сквозь дымку сна. – Я не... я...

– Не говори.

Я всхлипываю и крепче обнимаю Фила, чувствуя, что и он обнимает меня. Колени мерзнут, потому что я стою на них на снегу. Макияж уничтожен. Да и времени наверняка уже много... Я точно опоздаю на встречу с Дашей, на которую уже и идти не хочется.

И вдруг я слышу скулеж. Тонкий, будто мышь пищит, и исходит он вовсе не от собаки, что лежит на снегу позади меня.

– Ты слышишь?

Мы с Филом подрываемся на ноги и бросаемся на звук. В темноте искать сложно, поэтому мы оба включаем фонарики на телефонах. Уже через минуту мы находим источник писка.

Изверги затолкали щенка в пакет, обвязанный скотчем.

Чудо, что щенок прогрыз небольшое отверстие и не задохнулся.

– Совсем малыш, – Фил поднимает белого щенка на руки.

Тот испуганно мечется, тьякает. Боится, что ему снова будут причинять боль.

– Это ужасно... Что с ним теперь будет? – Я сдерживаюсь, чтобы не обернуться на погибшую маму крохи.

– Оставлять его тут точно нельзя, но и в приют сегодня ехать уже поздно.

Фил расстегивает куртку, прячет тьякающего щенка за пазуху и только тогда застегивает замок. Он придерживает малыша так, чтобы его белая мордочка торчала наружу, и это зрелище заставляет сердце разрываться от умиления и тоски.

– Я вызову полицию. Тех уродов нужно наказать. Провожу тебя до остановки и вернусь сюда... Нужно рассказать, как все было.

– Думаешь, их станут искать? Никому нет дела до мелких хулиганов. К тому же на улице холодно. Сколько будешь ждать? Не заболеешь?

Фил берет меня за руку и неторопливо ведет обратно, к свету и тропинке.

– Если не попытаюсь, то все точно останется как есть. А я не могу думать об этом. Сколько еще животных пострадают от рук этой мелочи?

Фил вызывает полицию, а я пишу сообщение Даше. Го-

ворю о тренировке на отшибе города и о том, что сегодня тренер нас задержал. Предлагаю встретиться в другой раз, и Даша легко соглашается.

Даша со страниц, 19:40

Понимаю. Из того района еще и уехать тяжело. Уж я-то знаю, как там транспорт ходит

Лина Ринг, 19:41

Живешь где-то рядом?

Даша со страниц, 19:41

Не

Щенок не понимает. И как мы сразу его не услышали?

– Плачет по маме, – вздыхает Фил и крепче сжимает мои пальцы.

– Куда ты повезешь его?

– Сегодня к себе. А завтра подумаю, что делать дальше.

Мы останавливаемся у остановки, и я слегка чешу лобик щенка. Он чуть успокаивается, но поскуливать не перестает.

– Может, тебе помочь? – предлагаю я, смотря в мрачные, без единой искры глаза Фила. – Могу спросить дома, есть ли что-то, что мы можем тебе отдать из еды для щенка. Молоко или... Что вообще едят щенята?

Фил гладит меня по голове и ожидаемо отказывается:

– Спасибо, Ангел, но я справлюсь сам. Тем более это все временная мера.

Киваю и оборачиваюсь на шорох шин. К остановке как

раз подъезжает мой автобус, который довезет почти до дома. Я бы хотела остаться с Филом, дожидаться полиции и просто поддержать его. Но Фил чуть ли не подсаживает меня на ступени, когда двери автобуса раскрываются.

– Позвони мне, когда выйдешь из автобуса, и разговаривай со мной, пока не дойдешь до квартиры. Поняла?

– А если я попрошу отца меня встретить? Все равно болтать всю дорогу с тобой? – шутливо спрашиваю я, поднимаясь на ступень выше.

– Только если из-за этого у тебя не будет проблем, – без намека на веселье отвечает Фил и напоследок касается губами тыльной стороны моей руки.

Двери автобуса закрываются, мы машем друг другу через окно. Я сажусь на свободное кресло, стараясь не думать о том, зачем в кармане куртки Фил носит нож.

Глава 6

После очередной ссоры с родителями и переписки с Филом до глубокой ночи просыпаюсь с отвратительным настроением, несмотря на выходной. Ощущаю себя так, будто меня кто-то пережевал и выплюнул по кусочкам, которые никак не могу собрать воедино.

Фил допоздна разбирался с полицией, а потом еще долго устраивал уголок для щенка у себя дома. Мари весь вечер выпытывала, как прошла репетиция, но разговор прошел так себе, потому что мне постоянно приходилось переключаться на разговор с родителями.

Папа не верит, что репетиции для конкурса проходят на другом конце города и длятся несколько часов. Он уверен, что я вру, чтобы гулять с Филом. Даже удивительно, что родители быстро поверили и почти смирились, когда я показала пересланное сообщение от Вероники с условиями конкурса. Правда, тогда взбесилась уже мама.

«Неужели нельзя было выбрать другого партнера?»

И так по кругу. Обвинения и колючие вопросы раздражают, но искреннее волнение и забота в родительских глазах потрошат сердце.

Выползть из кровати не хочется. Даже телефон в руки брать не спешу. Знаю, что там все по-старому, и не желаю портить себе настроение еще больше. Однако телефон виб-

рирует раз, а потом еще. Интерес побеждает, и я гляжу на разблокированный экран.

Это Даша. Зовет встретиться сегодня.

* * *

Еще издалека я замечаю Дашу у входа в торговый центр. Она стоит чуть поодаль от дверей, ноги скрещены, одна рука согнута у груди, а во второй Даша держит сигарету. Кофейного цвета пальто до колен расстегнуто, но грудь и шею закрывает объемный белый шарф. Шапки на Даше нет, и ветер треплет короткие темно-русые волосы.

Пока она меня не заметила, в голове проскакивает трусливая мысль. Может, уйти? Боюсь, что эта встреча окажется лишь повтором нашей переписки, когда я клялась в своей невиновности, а Даша просто не знала, что сказать.

Но как быстро промелькнула идея побега, так же скоро она растворилась в уверенности. Ничего не изменится, пока я не возьму ситуацию в свои руки. Нужно хотя бы попытаться.

– Даша! Привет. – Я протискиваюсь сквозь поток людей, что тянется к входу, и приближаюсь к Даше.

Боюсь, что она повернет голову и окинет меня презрительным или пустым взглядом, но облегченно выдыхаю, когда вижу слабую улыбку.

– Ну, здравствуй, юная звездочка Лина.

Следующий час мы гуляем по торговому центру. Первые минуты разговор не вяжется. Я чувствую себя так, будто на меня устремлен свет нескольких софитов, но я вдруг забыла свою речь. Стою и глупо топчусь, пока от меня чего-то ждут.

По тому, как ведет себя Даша, понимаю – она разделяет мои чувства. Часто поправляет волосы, касается лица или теребит край шарфа.

Мы не знаем, о чем говорить, но обе думаем об одном и том же. Об Алекс Штурм и сплетнях, которые расползлись по всем уголкам книжного сообщества. И хоть я видела, что Дашу в основном считают жертвой и никакое осуждение в ее сторону не льется, все равно не могу молчать.

– Как ты? После всего... этого.

Даша наклоняется к витрине, за которой выставлены резные шкатулки из дерева. Не отрывая от них глаз, она грустно улыбается:

– Ты за этим меня позвала? Хотела узнать, как я себя чувствую? Мило, но не стоило.

В стекле вижу отражение лица Даши и отворачиваюсь, когда наши взгляды сталкиваются. Мимо проходит шумная компания подростков, и меня подмывает слиться с этой толпой и улизнуть.

Разумеется, Даша думает, что я преследую какую-то личную цель. И глупо отрицать, что это не так.

– Частично за этим. – Я первая отхожу от отдела с изделиями из дерева и иду вдоль ряда бутиков. Даша следует ря-

дом, хоть и делает вид, что не видит меня. – Не буду прикидываться ангелом и говорить, что переживаю только о тебе. Мне не нравится, что наши отношения испортились из-за... Ну ты сама понимаешь. Это тяжело, когда тебя почти все вокруг ненавидят, и я решила, что пора что-то делать. Решила начать с тебя.

Колечко в носу Даши ловит свет от лампы, и крошечный блик привлекает мое внимание. Я поворачиваю голову и вижу, что Даша улыбается и смотрит на меня с неожиданной гордостью.

– Спасибо, что не стала врать. Твой ответ немного, хм, – она задумчиво чешет скулу, кожа которой блестит от хайлайтера, – эгоистичный, но честный. Мне это нравится.

Неожиданная похвала приободряет. Один из камней, что тяжким грузом давил на сердце, крошится.

– А живется мне явно лучше, чем тебе, – Даша жестом указывает на фудкорт, и мы сворачиваем к нему. – Меня жалуют, а тебя ненавидят. И это все в момент выхода первой книги.

Она не говорит, что сочувствует мне, и я догадываюсь, что Даша все еще сомневается. Что же, ее можно понять. Я знала, что быстро наладить ни наше общение, ни общую ситуацию не получится.

От лавки с напитками и сладостями исходит теплый уютный аромат, который срабатывает как магнит. Не сговариваясь, мы встаем в очередь за кофе.

– Кстати, видела твой недавний эфир.

– Это было тупо.

– Вовсе нет. Это было смело. Я давно ждала, когда же тебя бомбанет.

– Вот уж спасибо, – бурчу под нос, делая шаг к стойке заказов.

Ждем, пока бариста приготовит наши напитки. Смотрю на девушку, что суетится у кофемашины, а внутри все сжимается от тоски по лету. Те воспоминания пропахли кофе из «Чао-какао» и вечерней свежестью. Они звучат в моей памяти ритмами электронной музыки, так похожей на треки из восьмидесятых. Я полна амбиций и надежд, а сердце поет от нежной влюбленности, что только набирает бутоны...

Кажется, это было так давно... Будто и не со мной вовсе.

– Кстати, не я одна одобряю твой поступок, – нарушает молчание Даша. Она облакачивается на стойку, вязаный белый шарф спадает почти до коленей. – Некоторые и не надеялись, что дашь отпор. Но вот. Ты показала, что не сахарная!

Бармен ставит перед нами стаканчики с кофе и мило улыбается. Я отвечаю тем же, а Даша обходится слабым кивком. Она держит стакан одной рукой, будто в нем не горячий кофе, а прохладный морс.

– Это было на эмоциях. Мне стоило подумать, прежде чем включать трансляцию.

– Ну да, чтобы тебя и дальше продолжали гнобить.

Мы садимся за самый дальний свободный столик. Даша

поворачивается спиной к забитому людьми залу и поудобнее устраивается на своем месте.

– Ты сказала, что была на эмоциях. Что-то случилось перед эфиром? – говорит она, перед тем как сделать первый глоток.

Я коротко рассказываю о выходке моей старосты и конкурсе, в котором вынуждена участвовать, потому что продавалась за возможность пропускать ненужные занятия. Упоминаю, что победительница получит большой денежный приз, но молчу о том, куда хотела бы его потратить. Или, точнее, кому отдать...

– Сомневаюсь, конечно, что выиграю. Там много крутых участниц, которые уделают меня в конкурсе талантов.

– Сказала молодая писательница, – делано басовитым голосом вставляет Даша, но смеяться как-то не хочется.

– Ты и так знаешь, что я за печально известная писательница. Это не похоже на козырь в рукаве.

– Зря ты так думаешь. Если порыться и откинуть в сторону всю грязь, на твою книгу полно хороших рецензий.

– А толку? Никто не захочет ее читать, потому что автор – я.

– Как раз после твоего эфира все с точностью до наоборот. – Даша загадочно улыбается и откидывается на спинку стула. – Я веду свой чат совместных чтений, там много ребят. По секрету скажу, что многие твоей книгой заинтересовались. Может, сейчас и не будут говорить так активно, как

могли бы, но «Дебют» точно не пройдет незамеченным.

Если бы я не сидела, то точно свалилась бы на пол от шока.

– Не верю.

– Зря. Я вот тоже захотела почитать. У тебя случайно нет с собой авторского экземпляра?

Даша протягивает мне раскрытую ладонь и призывно перебирает пальцами. Мне остается только виновато пожать плечами.

– Я хотела взять с собой книгу, но подумала, что это неуместно.

Даша огорченно вздыхает. Собирается сделать глоток кофе, но стакан уже пуст. Тогда она поднимается и уверенно направляется в сторону магазинов.

– Пойдем. У меня есть идея.

Мы движемся по широкому коридору в потоке людей. Блики от ярких ламп под потолком и на витринах гуляют по стеклам, за которыми в модной одежде позируют манекены. Даша идет мимо них, уверенным шагом обгоняя гуляющих.

– Уже догадалась, куда идем?

– Есть одно предположение.

– И какие мысли на этот счет? Трепещешь от предвкушения?

Увидеть свою книгу на прилавке – мечта каждого писателя. Раньше мне казалось, что, когда мой «Дебют» окажется на полке известного книжного магазина, больше стремиться будет уже некуда. Теперь же я точно знаю, что моя история

уже добралась до прилавков, старая мечта исполнилась. Та пустота в душе, появления которой боялась, потому что не знала, чем ее заполнить, не пугает, ведь теперь уверена – это не конец, а только начало.

Но вот как с первого уровня перейти на следующий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.